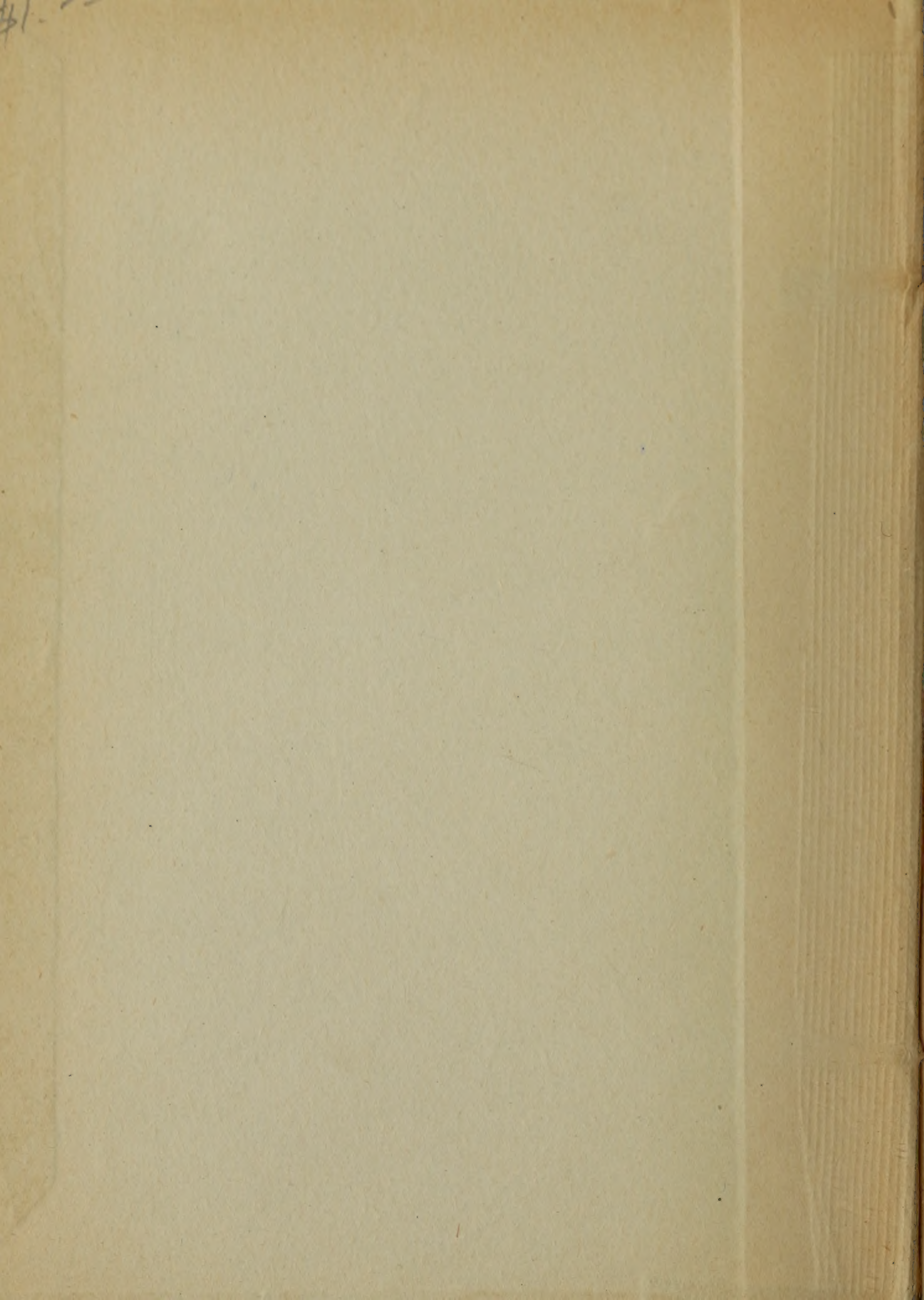

3 1761 08820955 6

(ӨЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.)

ЗАЛОЖНИКИ ЖИЗНИ

Драма въ пяти дѣйствіяхъ.

[С.-Петербургъ, „Шиповникъ", 1912]

ПОСВЯЩАЕТСЯ АНАСТАСІИ ЧЕБОТАРЕВСКОЙ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Михаилъ.
Катя.
Лилитъ (Елена Лунагорская).
Алексѣй Ивановичъ Чернецовъ. } родители Михаила.
Марія Петровна Чернецова.
Константинъ Ѳедоровичъ Рогачевъ. } Катины родители.
Клавдія Григорьевна Рогачева.
Владиміръ Павловичъ Суховъ.
Мужикъ.
Бонна.
Дѣти, мальчикъ и дѣвочка.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

I.

Жаркій лѣтній день клонится къ вечеру. Отъ рѣчки не вѣетъ прохладою,—она такъ мелка, что ее можно легко перейти въ бродъ.

Дворянская усадьба близъ деревни. Сразу видно, что ея хозяева—хозяева плохіе, и что средствъ и возможностей у нихъ мало. Садъ когда-то былъ красивъ,—красивъ онъ и теперь, но запущенъ. Видны углы оранжереи и парниковъ,—но все это имѣетъ довольно жалкій видъ. Въ саду малина и крыжовникъ, яблони и груши. Изъ-за зеленѣющихъ деревьевъ виденъ помѣщичій домъ, въ которомъ живутъ Катя и ея родители. Передъ домомъ—большая открытая терраса.

На террасѣ сидятъ подростки,—Катя и Михаилъ, влюбленные другъ въ друга.

Катя—дѣвушка лѣтъ шестнадцати. Очень милая на видъ. Щеки у нея румяныя, глаза голубые. Она очень загорѣлая. Шея, плечи и руки у нея открытыя, ноги босыя. Платье на ней свѣтлое, легкое, недлинное и простое покроемъ, но очень красивое, и сидитъ оно на ней такъ, словно всѣ складки его расположены мудрымъ художникомъ, творящимъ красоту изъ простой ткани.

Она здоровая и очень веселая. Любитъ посмѣяться и несложно пошутить, подразнить кого-нибудь. Она любитъ свой домъ, усадьбу, деревню, поля и лѣса и видимо наслаждается близостью къ природѣ. Движенія ея увѣренны и легки,—чувствуется, что она умѣетъ упорствовать и стремиться къ достиженіямъ, и что вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней много приспособляемости и гибкости. Въ каждомъ движеніи ея сказывается, что ее безотчетно радуетъ ощущеніе жизни, молодости и наивной красоты, разлитое въ природѣ и въ ней самой,—и видно, что всѣ впечатлѣнія бытія для нея свѣжи и первоначальны. Потому вся она производитъ впечатлѣніе чистоты и наивной дѣтской мудрости.

Михаилъ—мальчикъ лѣтъ восемнадцати. Перешелъ въ послѣдній классъ гимназіи. Учится хорошо. У него ясный и холодный умъ и сильная воля. Онъ упрямо держится разъ избраннаго пути. Случайное въ жизни мало его отвлекаетъ,—онъ настроенъ скорѣе трагически. Въ отношеніяхъ къ людямъ онъ мягокъ, уступчивъ и добръ. Манеры у него неловкія, угловатыя, какъ у очень самолюбиваго подростка; иногда онъ кажется грубымъ и дерзкимъ, но грубость эта только внѣшняя. Въ немъ еще очень много дѣтской наивности и ребячества, самаго зеленаго. Онъ не только прилежно учится, но и самъ читаетъ много и выработалъ себѣ опредѣленное міровоззрѣніе. Онъ наклоненъ къ мечтательности и считаетъ это своимъ недостаткомъ; эта мечтательность, и въ самомъ дѣлѣ, стоитъ въ нѣкоторомъ противорѣчіи со свойствами его трезваго ума. Его влюбленность въ Катю и радуетъ его, и смущаетъ. Ему досадно и то, что онъ, плебей, пролетарій, влюбился въ эту красивую представительницу иного класса, которому онъ никакъ не можетъ симпатизировать. Но онъ надѣется, что изъ Кати выработается хорошая пролетарка и полезная работница.

Михаилъ высокъ, тонокъ и строенъ. Лицо у него худощавое, загорѣлое и смуглое. Глаза черные, смотрятъ пристально и упорно, съ напряженнымъ выраженіемъ. Брови густыя, черныя, почти сросшіяся. Одѣтъ онъ въ свѣтло-сѣрую коломянковую блузу, и вообще имѣетъ видъ обыкновеннаго провинціальнаго гимназиста. Теперь онъ замѣтно взволнованъ и нервенъ.

Любуясь другъ другомъ съ веселою дѣтскою нѣжностью, сквозь которую просвѣчиваетъ почему-то грусть, они сидятъ у стола, покрытаго скатертью кустарной работы съ наивнымъ, но очень милымъ рисункомъ вышивки. На столѣ передъ ними тарелка съ малиною, блюдечко съ мелкимъ сахаромъ и два пустыя блюдечка, на одномъ изъ которыхъ двѣ чайныя ложки. Старуха, лица которой не видно, но въ которой нѣтъ ничего таинственнаго и символическаго, потому что это—только старая ворчунья няня, только что поставила на столъ кувшинъ съ молокомъ, и уходитъ въ дверь, ведущую въ домъ.

Катя заглядываетъ въ кувшинъ, дѣлаетъ недовольную гримасу, и говоритъ:

— Ой, какъ мало молока! Точно котъ наплакалъ.

Слышенъ ворчливый голосъ уходящей:

— Будетъ съ тебя, баловница.

Катя накладываетъ ягоды на блюдечко Михаилу, потомъ себѣ. Наливаетъ молока, и они принимаются ѣсть ягоды, весело разговаривая.

Катя.—Я малину страсть какъ люблю! Какъ сестру родную.

Смѣется.

Михаилъ.—Малина хороша. Но я больше люблю крыжовникъ.

Катя.—И я люблю крыжовникъ.

Катя быстро срывается съ мѣста и бѣжитъ куда-то черезъ садъ. Легкій бѣгъ ея, какъ полетъ, и песокъ дорожекъ весело смѣется подъ ея ногами.

Михаилъ.—Катя, куда ты помчалась?

Катя издали звонко кричитъ:

— Сейчасъ я тебѣ крыжовнику принесу.

Михаилъ, оставшись одинъ, задумчиво помѣшиваетъ ложечкою въ блюдцѣ. Лицо его становится мрачнымъ и рѣшительнымъ. Издали доносится снова Катинъ голосъ. Катя за сценою кричитъ нараспѣвъ:

— Вотъ и крыжовникъ, вотъ и крыжовникъ, жовникъ, жовникъ, жовникъ!

Михаилъ вздрагиваетъ, выпрямляется и принимаетъ безпечный и веселый видъ, что ему, однако, плохо удается. Катя бѣжитъ обратно. Въ ея рукахъ деревянная лакированная чашечка съ крыжовникомъ. На бѣгу Катя кладетъ въ ротъ нѣсколько ягодъ крыжовника.

Катя.—Вотъ тебѣ, ѣшь, наслаждайся. Великолѣпный крыжовникъ!

И она съ удовольствіемъ ѣстъ крупныя ягоды.

Михаилъ (строго).—А зачѣмъ ты его съ кожицей ѣшь? Это—гадость.

Катя.—Ничего не гадость. Съ кожицей гораздо вкуснѣе.

Михаилъ.—Этого не можетъ быть.

Катя.—Попробуй, если твои принципы тебѣ позволяютъ. Самъ увидишь.

Она говоритъ насмѣшливыя слова необиднымъ тономъ и весело смѣется. Ея смѣхъ звонокъ, но не громокъ, и когда слушаешь его, вспоминаются золотые легкіе колокольчики.

Михаилъ хочетъ нахмуриться, но неожиданно для себя смѣется. Быстро цѣлуетъ Катю.

Катя (быстрымъ полушопотомъ).—А зачѣмъ ты меня цѣлуешь?

Михаилъ (такъ же).—Вкусно!

Катя.—Еще увидятъ.

Притворяется испуганною, и съ комическимъ ужасомъ оглядывается, но не выдерживаетъ этой роли, и смѣется.

Михаилъ (весело).—Ну, ты, кажется, не очень-то боишься. (Ѣстъ крыжовникъ, по ея примѣру, съ кожицею).—А и правда, съ кожицею вкуснѣе. А надъ принципами смѣяться нельзя.

Катя.—О! Нельзя! Вотъ еще! Смѣяться не грѣшно надъ тѣмъ, что кажется смѣшно.

Михаилъ.—Мало ли что кажется!

Катя (скороговоркою).—Хочу, и смѣюсь. Хочу, и смѣюсь. Кому какое дѣло!

Михаилъ.—Все-таки съ кожицею крыжовникъ есть вредно.

Катя.—А мнѣ полезно. Что въ ротъ полѣзло, то и полезно.

Михаилъ.—Кожица ягоды можетъ засѣсть въ червеобразномъ отросткѣ слѣпой кишки, и отъ этого можетъ случиться аппендицитъ. Болѣзнь непріятная и опасная.

Катя.—Можетъ, можетъ! Страсти какія! Мало ли что можетъ! Вотъ пойду въ лѣсъ, а меня змѣйка-скоропейка можетъ ужалить.

Михаилъ.—А зачѣмъ ты все лѣто босикомъ ходишь?

Катя.—Мнѣ нравится, вотъ зачѣмъ.

Михаилъ смотритъ на Катю задумчиво, и меланхолически улыбается. Говоритъ съ искусственной веселостью:

— Это ты у Лилитъ научилась босикомъ ходить.

Катя.—О, у Лилитъ! Нѣтъ, у деревенскихъ бабъ, а не у Лилитъ.

Лицо ея хмурится на минуту, и эти слова звучатъ ревниво. Вдругъ она обнимаетъ Михаила, и говоритъ страстно:

— Я тебя такъ люблю, какъ еще никогда нигдѣ никто никого не любилъ.

Цѣлуются торопливо.

Михаилъ (вздрагивая).—Кто-то идетъ.

Катя.—Папа идетъ.

Оба замолкаютъ въ чувствѣ неловкости, и отодвигаются другъ отъ друга.

II.

Черезъ садъ на террасу входитъ Рогачевъ. За нимъ идетъ мужикъ, безъ шапки, очень грязный и лохматый; останавливается въ саду передъ террасою.

Рогачевъ почему-то съ перваго взгляда производитъ впечатлѣніе прогорающаго помѣщика, каковъ онъ и есть. Манеры у него барскія, и разговоръ, какъ у провинціальнаго сеньора, съ оттяжкою, а движенія суетливыя, въ глазахъ безпокойная ласковость, и въ мысляхъ путаница и суета. Онъ любитъ пріятности жизни, и на всякую работу смотритъ, какъ на докуку. Онъ обладаетъ тою степенью приспособляемости, которая помогаетъ людямъ его типа держаться кое-какъ на поверхности жизни и при случаѣ играть кое-какую роль въ обществѣ. На свою судьбу и на свои дѣла онъ смотритъ легкомысленно, и всегда находится въ обаяніи сладкихъ надеждъ.

Роста онъ выше средняго. Тонокъ, прямъ и ловокъ. Борода, полусѣдая, расчесана на двое. Онъ одѣтъ въ свѣтло-сѣрый лѣтній костюмъ. На головѣ соломенная шляпа, въ рукѣ тросточка, слишкомъ тонкая для деревни.

Въ чертахъ Катина лица много сходства съ отцомъ, - но у Кати все живѣе, сильнѣе и красивѣе выражено.

Михаилъ (вставая).—Здравствуйте, Константинъ Ѳедоровичъ.

Рогачевъ (сухо).—Здравствуйте, Миша.

Мужикъ.—Явите Божескую милость.

По его тусклымъ глазамъ и по унылой фигурѣ видно, что онъ уже несчетное число разъ повторилъ эту нудную фразу и готовъ еще повторять ее безъ конца. Но лицо его злое, и въ тягучемъ звукѣ голоса порою прорываются злобныя нотки.

Рогачевъ (досадливо отмахиваясь отъ мужика).—Ну, подожди до будущей недѣли. Получу и отдамъ.

Мужикъ.—Да я ужъ сколько разъ приходилъ къ вашей милости!

Рогачевъ.—Ну, иди, иди. Не до тебя.

Мужикъ повторяетъ тупо и упрямо:

—Явите Божескую милость.

Рогачевъ ворчитъ:

—Какой грязный мужикъ!

Уходитъ въ домъ.

III.

Мужикъ поднимается на нижнюю ступеньку передъ входомъ на террасу, и говоритъ Катѣ:

— Барышня, скажите папенькѣ, что какъ до зарѣзу нужно.

Катя.—Хорошо, скажу. Ты бы, голубчикъ, пришелъ завтра.

Мужикъ.—Главная причина, никакъ не способно. То есть такъ нужно, такая нужда!

Катя.—Ты бы на кухню пошелъ.

Мужикъ.—Можетъ быть, будетъ милость какая? Ужъ я тутъ подожду.

Стоитъ, и тупо смотритъ на окна помѣщичьяго дома.

Михаилъ (негромко). — Онъ своихъ денегъ проситъ, потому и стоитъ безъ шапки.

Дѣтямъ обоимъ неловко. Они ѣдятъ ягоды и говорятъ вполголоса.

Катя.—У насъ денегъ мало, а ягодъ много. Ѣшь не хочу

Михаилъ.—Вы можете продавать ягоды.

Катя.—Да неужели?

Михаилъ.—Правда, можете.

Катя.—Представь себѣ, мы такъ и дѣлаемъ! Мы даже грибы продаемъ. Да толку мало, и денегъ мало. Только, по-моему, лучше много ягодъ, чѣмъ много денегъ.

2*

Михаилъ (съ улыбкою).—Ну, едва ли!

Катя (убѣжденно).—Правда! Ты самъ подумай: если у тебя много ягодъ, ты ихъ можешь ѣсть, когда хочешь и сколько хочешь.

Михаилъ (улыбаясь).—Мило!

Катя.—А если у тебя много денегъ, а хочется просто на просто ягодъ, простыхъ, лѣсныхъ, садовыхъ, такъ ихъ не всегда и на деньги купишь.

Оба смѣются, такъ, просто, не ея словамъ, а тому, что весело.

Мужикъ (угрюмо и негромко).—Смѣйся, смѣйся!

Катя хмурится и смотритъ на мужика сердито. Мужикъ пятится въ садъ.

IV.

Изъ дома выходитъ суетливою и взволнованною походкою Рогачевъ, и досадливо говоритъ мужику:

— Ты все еще здѣсь?

Мужикъ.—Куда-жъ мнѣ итти! Я за своими деньгами пр - шелъ. Итти мнѣ некуда.

Рогачевъ растерянно повторяетъ:

— Онъ все еще здѣсь! Нѣтъ, вы на него поглядите!

Мужикъ.—Явите Божескую милость.

Рогачевъ.—Экземпляръ! Чудовище обло, огромно, озорно, стозѣвно и вояй.

Мужикъ.—Явите Божескую милость.

Рогачевъ.—Удивительно бѣдный лексиконъ у этихъ людей! Твердитъ одно и то же съ упорствомъ, достойнымъ лучшаго примѣненія.

Михаилъ (насмѣшливо).—Элоквенціи не обучался. Не пожелалъ пройти полнаго курса гуманитарныхъ наукъ.

Рогачевъ смотритъ на Михаила досадливо, и говоритъ:

— Что-то вы къ намъ ужъ очень зачастили, Миша.

Михаилъ.—Что-жъ, вамъ жалко малины? Или крыжовника?

Катя смотритъ на Михаила укоризненно, и качаетъ головою.

Рогачевъ.—Удивительный у васъ вкусъ къ рѣзкостямъ, Миша!

Михаилъ (густо краснѣя).—Извините.

Рогачевъ.—Не можете же вы серьезно думать, что мнѣ жалко какой-то тамъ малины! Какія глупости! А кстати, Миша, не найдется ли у васъ три рубля? Сумма, изъ-за которой меня преслѣдуетъ этотъ настойчивый гражданинъ.

Катя (краснѣя, съ укоромъ).—Папа!

Михаилъ.—Я съ удовольствіемъ.

Хочетъ вытащить кошелекъ.

V.

Въ это время изъ дома стремительно выходитъ Рогачева. Это—невысокаго роста дама, наклонная къ полнотѣ. Чопорная, важная и трогательная. Лучеобразныя морщинки въ углахъ ея глазъ и весь складъ ея лица говорятъ о добротѣ безтолковой и безполезной. А всѣ ея движенія, связанно-величественныя и совсѣмъ не идущія къ ея коротенькой и благодушной фигурѣ, показываютъ, что она заряжена большимъ количествомъ самомнѣнія, и что она очень увѣрена въ своемъ дворянскомъ превосходствѣ надъ людьми иныхъ положеній. Но такъ какъ она одѣта съ большимъ вкусомъ, то ея претензіи кажутся оправданными, и вся она производитъ впечатлѣніе любезной и серьезной барыни. Она любитъ и умѣетъ занимать деньги,—дѣлаетъ она это съ истинно-барскою непринужденностью. Вообще, когда она проситъ чего-нибудь, то кажется вполнѣ естественнымъ и несомнѣннымъ ея право на то, чтобы всѣ ей помогали и услуживали.

Михаилъ (вставая и кланяясь).—Здравствуйте, Клавдія Григорьевна.

Рогачева (очень сухо).—Здравствуйте, молодой человѣкъ. Давно не видались. (Мужику). Ты все еще здѣсь?

Мужикъ.—Явите...

Рогачева.—Нахалъ!

Мужикъ.—Божескую милость.

Рогачева (стремительно подходя къ Михаилу).—Нѣтъ ли, Миша, у васъ трехъ рублей, заплатить этому нахалу?

Михаилъ сконфуженно вынимаетъ кошелекъ, и говоритъ:

— Да, вотъ у меня есть какъ-разъ одна трехрублевка.

Рогачева (любезно). — Пожалуйста. Ну вотъ, большое вамъ спасибо, Миша. Завтра я вамъ непремѣнно отдамъ. Константинъ Ѳедоровичъ, вотъ возьми, отдай этому субъекту.

Уходитъ такъ же стремительно, какъ и пришла.

VI.

Рогачевъ разсматриваетъ трехрублевку съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ: надо отдать.

Катя.—Давно-ли, папа, ты получилъ сто двадцать рублей, а ужъ опять у тебя нѣтъ денегъ.

Рогачевъ.—Сто рублей — не деньги. Это — маленькія деньги. Вотъ три рубля, когда ихъ нѣтъ, вотъ это — большія деньги. Ну, гражданинъ Акимъ, получай, твое счастье.

Мужикъ, благоговѣйно принимая деньги негнущимися, корявыми пальцами, бормочетъ:

— Спаси тебя Господь! Дай тебѣ Господи добраго здоровья!

Рогачевъ, посвистывая и помахивая тросточкою, уходитъ въ домъ.

Мужикъ (кланяясь Катѣ).—Спаси тебя Христосъ, барышня! Дай тебѣ Господи добраго здоровьица и женишка хорошаго. (Неторопливо уходя, бормочетъ:)—Жретъ ягоды съ лоботрясомъ.

VII.

Катя спрашиваетъ Михаила:

— Ты послѣднія деньги отдалъ?

Михаилъ.—Да мнѣ сейчасъ не нужно.

Катя, ласкаясь къ Михаилу, говоритъ:

— Миша, скажи, что ты во мнѣ любишь? Что ты больше всего любишь?

Михаилъ.—Твой смѣхъ. Онъ точно золотой колокольчикъ.

Катя (тихо).—А еще что?

Михаилъ.—Твою радость. Ты рада жизни, и солнцу, и вѣтру, и дождику рада,—ну, всему, всему. И когда ты приходишь, все вокругъ звенитъ и смѣется отъ радости.

Катя (еще тише).—А еще что?

Михаилъ.—А еще твои босыя ножки. Онѣ такія загорѣлыя, и такія тонкія, какъ у лѣсной царевны, летающей по воздуху на легкихъ, легкихъ крыльяхъ. А когда она идетъ по землѣ, былинки и песчинки приникаютъ къ ея ногамъ, и цѣлуютъ ея босыя ноги, и шепчутъ ей съ кроткою, нѣжною любовью: ты—наша, ты—земная, но когда ты съ нами, земля наша превращается въ земной рай, невинный и счастливый.

Катя улыбается мечтательно и весело.

Михаилъ тихо привлекаетъ ее къ себѣ. Они цѣлуются долго и нѣжно.

Михаилъ спрашиваетъ:

— А ты, Катя, что во мнѣ любишь?

Катя отвѣчаетъ весело:

— Я? Что люблю? Вотъ, придумалъ. Да я все люблю.

Михаилъ.—А что-нибудь особенно любишь?

Катя (улыбаясь).—Люблю.

Михаилъ.—А что?

Катя.—А вотъ то. Это самое.

Михаилъ.—Ну, скажи, не шали.

Катя смотритъ на Михаила внимательно, и говоритъ серьезно:

— Я люблю въ тебѣ то, что ты—такой серьезный. И у тебя этотъ вихоръ упрямый такой милый. Ни за что его не пригладишь. Ты—серьезный и забавный такой.

Михаилъ (улыбаясь).—Что же тутъ забавнаго?

Катя.—Ты иногда вотъ такъ нахохлишься и думаешь, какъ Марій на развалинахъ Кареагена.

Смѣется.

Михаилъ.—Вотъ, вотъ. Такъ меня и нарисовала Лилитъ.

Михаилъ вынимаетъ изъ бокового кармана въ блузѣ записную книжку, достаетъ изъ нея небольшой рисунокъ на листкѣ бумаги, и показываетъ его Катѣ.

Катя всматривается, весело смѣется, и говоритъ:

— Похожъ, похожъ, какъ двѣ капли воды.

Но вдругъ она сердито хмурится, и досадливо кричитъ:

— Противная Лилитъ! Какъ она смѣетъ!

Плачетъ.

Михаилъ, лаская и утѣшая Катю, говоритъ:

— Ну, полно, что ты! Что-жъ тутъ обиднаго!

Катя.—Какъ она смѣетъ! Я никому не позволю тебя обижать.

И вдругъ опять смѣется.

Михаилъ.—Стрекоза!

Катя.—Пожалуйста! Я ужъ не стрекоза, мнѣ уже шестнадцать лѣтъ.

Михаилъ, улыбаясь, передразниваетъ:

— Шешнадцать лѣтъ!

Катя.—Противненькій, не смѣй смѣяться надо мною!

Михаилъ.—Если бы я былъ поэтомъ, я написалъ бы о тебѣ такую поэму, какихъ еще никто не писалъ.

Катя.—О, такую скучную?

Смѣется.

Михаилъ.—Ахъ ты, стрекоза!

Катя напѣваетъ:

— Стрекоза, стрекоза, коза, коза! Стрекоза, рикоза, коза, аза!

Кружится по террасѣ, легкая и веселая, и потомъ садится рядомъ съ Михаиломъ и обнимаетъ его.

Михаилъ.—Какъ хорошо намъ будетъ вмѣстѣ съ тобою, Катя! Я буду работать. Я буду строить,—мосты, дороги, высокія башни. Изъ желѣза, камня и стали я буду строить, какъ не строили раньше. Новая красота будетъ въ томъ, что я построю,—красота линій такихъ легкихъ и такихъ простыхъ. Очарованіе взоровъ повиснетъ на паутинѣ стальныхъ канатовъ, и люди прославятъ имя мое, и я приду къ тебѣ увѣнчанный и славный,—потому что все это я сдѣлаю для тебя, сильный силою моей любви къ тебѣ. Только моимъ ремесломъ будетъ все это, что я построю изъ камня, желѣза и стали,—а призваніемъ моимъ будетъ вмѣстѣ съ тобою строить жизнь новую, счастливую, свободную, не такую, какъ эта. Легкую жизнь и простую, какъ мостъ, повисшій надъ бездною на паутинѣ стальныхъ канатовъ.

Катя (съ восторгомъ).—Жизнь новую, счастливую, свободную! О, и я буду строить ее съ тобою вмѣстѣ! Какъ хорошо ты говоришь, Михаилъ! Да, это—правда, жизнь надо строить, какъ строятъ дома и храмы.

Михаилъ взволнованно ходитъ по террасѣ, потомъ останавливается передъ Катею, и говоритъ:

— По закону, мы уже могли бы повѣнчаться.

Катя (грустно).—Они смѣются.

Михаилъ.—Катя, ты еще поговори со своими родителями...

Катя.—Говорила.

Михаилъ продолжаетъ:

— И, какъ только я поступлю въ Институтъ, такъ мы и повѣнчаемся.

Катя.—Говорила. Они только смѣются. Да вѣдь и твои родители противъ.

Они оба грустны. Проходитъ краткій мигъ печальнаго молчанія. Михаилъ задумчиво смотритъ на аллеи сада, и говоритъ:

— Сегодня я самъ скажу. Будь, что будетъ. А если откажутъ, мы умремъ. Да?

Катя отвѣчаетъ ему тихо:

— Да. А ты принесъ ядъ?

Михаилъ.—Да, принесъ.

Катя (боязливо и задумчиво).—Мнѣ кажется, что я никогда не умру.

Михаилъ.—Нѣтъ, ужъ, вѣрно, придется намъ умереть.

Катя.—Скорѣе умру, чѣмъ тебя разлюблю. А онъ хорошо дѣйствуетъ, твой ядъ?

Михаилъ.—Дѣйствуетъ моментально. Не успѣешь проглотить, и ужъ готово.

Катя.—О! Это не хорошо!

Михаилъ.—А ты бы хотѣла долго мучиться?

Катя.—А вдругъ они увидятъ, что мы умираемъ, и раскаятся, и согласятся! Тогда можно принять противоядіе, и живо-живо повѣнчаться, чтобы они и опомниться не успѣли. А если моментально, такъ это неудобно.

Михаилъ.—Одно изъ двухъ,—или умирать, такъ ужъ серьезно, или такъ только слова говорить.

Катя молча плачетъ.

Михаилъ.—Что же ты плачешь?

Катя молчитъ.

Михаилъ (ревниво).—Тебѣ жалко разстаться съ Суховымъ?

Катя.—Миша, ты на меня на сердись. Вѣдь умирать-то всякому страшно, такъ какъ же не поплакать!

Катя плачетъ. Михаилу жалко ее. Утѣшаетъ, лаская тихо и молча.

VIII.

Внезапно входитъ Рогачева. Михаилъ вздрагиваетъ, вскакиваетъ, отходитъ отъ Кати, задѣваетъ за стулъ, и роняетъ его.

Рогачева.—Миша, у васъ невозможныя манеры.

Михаилъ.—Я не очень объ этомъ сожалѣю. Я не готовлюсь быть свѣтскимъ шаркуномъ, какъ этотъ развязный и глуповатый Суховъ.

Рогачева (непріязненно).—Кѣмъ же вы хотите быть? Охотникомъ въ американскихъ преріяхъ? какъ у Майнъ-Рида или у Купера?

Михаилъ (сухо).—Нѣтъ, я просто хочу быть полезнымъ и дорогимъ работникомъ. Я буду инженеромъ.

Рогачева.—Ну, что-жъ, это выгодно. Только до этого вамъ еще далеко. Учиться много надо. А Суховъ навѣрное будетъ предводителемъ дворянства. Онъ очень милый, и вамъ не слѣдуетъ бранить его.

IX.

Входитъ Рогачевъ. Онъ смотритъ на Мишу съ притворнымъ выраженіемъ удивленія, и говоритъ:

—А я думалъ, Миша, что ужъ вы ушли.

Михаилъ.—Мнѣ надо съ вами поговорить.

Рогачевъ.—Послушаемъ.

Садится и закуриваетъ папиросу. Видъ у него легкомысленный и веселый.

Михаилъ.—Я люблю Катю.

Рогачевъ.—Утѣшилъ!

Катя (рѣшительно).—И я люблю Михаила.

Рогачева (укоризненно).— Очень хорошо, нечего сказать! Есть чѣмъ похвастаться!

Рогачевъ.—А сколько вамъ лѣтъ, Миша?

Михаилъ.—Восемнадцать. Я, правда, еще очень молодъ. Но это ничего не значитъ. Я уже и теперь зарабатываю уроками. Черезъ годъ я буду студентомъ. Студенты многіе женатые. Однимъ словомъ, я прошу Катиной руки. Мы подождемъ годъ, и когда я буду студентомъ, мы повѣнчаемся.

Рогачева.—Восхитительно!

Рогачевъ и Рогачева смѣются.

Рогачевъ.—Ромео и Юлія, трогательная драма!

Рогачева.—Вы, Миша, доучитесь сначала, а ужъ потомъ думайте о такихъ глупостяхъ. Вы еще мальчикъ, и ничего не имѣете.

Михаилъ.—Я люблю Катю, и не могу безъ нея жить.

Рогачева.—Она еще совсѣмъ дѣвочка, и вамъ не слѣдуетъ кружить ей голову. А тебѣ, Катя, стыдно!

Катя.—А тебѣ, мама, не стыдно было, когда ты полюбила папу?

Рогачева.—Такъ вѣдь мнѣ тогда не шестнадцать лѣтъ было!

Михаилъ.—Значитъ, вы мнѣ отказываете?

Рогачевъ.—А вы что думали? И вы ужъ лучше бы къ намъ не ходили. Хорошаго мало.

Катя.—А три рубля у него взяли!

Рогачева (строго).—Катя, не говори глупостей! Его деньги не пропадутъ. Ну, пойдемъ, Константинъ Ѳедоровичъ. Съ нимъ нечего разговаривать, надо сказать его родителямъ.

Рогачевъ и Рогачева уходятъ.

X.

Катя и Михаилъ смущенно смотрятъ другъ на друга. Заря пылаетъ на небѣ, и бросаетъ пламенѣющій отсвѣтъ на ихъ смущенныя лица.

Катя (растерянно).—Ну вотъ, конечно. Что же намъ теперь дѣлать? Да ужъ видно, одно остается.

Изъ-за сцены слышенъ голосъ Чернецова:

— Михаилъ здѣсь?

XI.

Входятъ Чернецовъ и Чернецова.

Чернецовъ—земскій врачъ. Ростомъ малъ. Худощавый и весь сѣренькій. Его крылатка слишкомъ широка. Въ рукахъ у него толстая суковатая палка. Онъ носитъ синія очки. Куритъ очень много. Угрюмъ, вдумчивъ и принципіаленъ. Любитъ играть въ шахматы. Веселенькіе стишки, которые онъ любитъ цитировать, странно противорѣчатъ угрюмости его лица. Говоритъ низкимъ голосомъ, а стихи читаетъ искусственнымъ басомъ.

Чернецова—тоже, какъ и мужъ, мала и суха. Волосы, уже начинающіе сѣдѣть, у нея острижены довольно коротко, и вьются. Она носитъ свѣтло-синія очки. Куритъ еще больше, чѣмъ мужъ, и еще принципіальнѣе его. Одѣта всегда въ черномъ. На головѣ—канотьерка съ черною лентою. Смотритъ серьезно и вдумчиво, и, когда она слушаетъ кого-нибудь молча, то кажется, что она не одобряетъ того, что слышитъ.

Катя и Михаилъ смущенно молчатъ.

Чернецовъ.—Ну вотъ и я. Здравствуйте, Катя. Вашъ папа дома?

Катя.—Здравствуйте, Алексѣй Ивановичъ. Папа дома. Здравствуйте, Марія Петровна.

Чернецова.—Мой Алексѣй Иванычъ дня безъ шахматовъ прожить не можетъ.

Чернецовъ:

— Жаръ свалилъ, повѣяла прохлада.
Длинный день покончилъ рядъ заботъ,

По дворамъ давно загнали стадо,
И косцы вернулися съ работъ.

Чернецова.—Я удивляюсь, Алексѣй Иванычъ, что ты такъ любишь цитировать буржуазные стишонки. Точно ты не знаешь настоящихъ, хорошихъ стиховъ.

Чернецовъ.—Иду я сегодня утромъ мимо рѣчки, и вижу очень живописную картину: Екатерина Константиновна, приподнявши юбочки, переходитъ рѣчку въ бродъ. Колѣнки открытыя, на лицѣ блаженство, въ рукѣ большой букетъ цвѣтовъ, и вообще очень живописно.

Чернецова.—Алексѣй Ивановичъ, ты долженъ былъ отвернуться.

Чернецовъ.—Принципіально ты права. Я и отвернулся. Сначала я думалъ, что это—глупенькая Лилитъ. Гляжу,—а это—наша умненькая Катя.

Катя убѣгаетъ, смѣясь.

XII.

Чернецова.—А ты, Михаилъ, все съ Катею?

Михаилъ.—Я ее люблю.

Чернецовъ.—Напрасно. Ты—мальчикъ умный, а она—дѣвочка пустенькая, малоразвитая и буржуазная.

Михаилъ.—Она—прелесть и одинъ восторгъ! И какая же она буржуазка! Она не похожа на кисейную барышню, и изъ нея выйдетъ хорошая пролетарка.

Чернецовъ.—Изъ чего ты это заключаешь?

Михаилъ.—Да вотъ, напримѣръ, она босая все лѣто ходитъ.

Чернецовъ.—Ты, Михаилъ, очень наивенъ.

Но бойся, путникъ смѣлый,
Въ ея попасться сѣть,
Иль кончикъ ножки бѣлой
Нечаянно узрѣть.

Михаилъ.—Она посмотритъ,—и все словно радуется. Да нѣтъ, вы не можете этого понять.

Чернецовъ.—Гдѣ ужъ намъ!

О мечтатель! Наслаждайся
Блескомъ красоты,
Но остерегайся
Углекислоты.

Михаилъ.—Почему же углекислота?

Чернецовъ.—Да ужъ такъ написано. Изъ пѣсни слова не выкинешь.

Михаилъ.—Я ее люблю.

Чернецовъ.—Углекислоту? Напрасно.

Михаилъ.—Я люблю Катю.

XIII.

Катя возвращается, и несетъ цвѣты въ двухъ зеленыхъ вазахъ изъ обожженной глины.

Чернецова.—Откуда у васъ эти цвѣты? У васъ такихъ, кажется, не было.

Катя.—Я стащила у Лунагорскихъ.

Чернецова.—Стащили! Развѣ это можно!

Катя.—Ну, они не разсердятся.

Чернецова.—А вы признаете частную собственность на продукты труда?

Катя.—Да вѣдь и вы, Марія Петровна, противъ частной собственности. Вѣдь вы—марксистка.

Чернецова.—Я отрицаю частную собственность только на орудія производства, а не на продукты труда.

Катя.—Все равно.

Чернецова.—Далеко не все равно.

Чернецовъ:

Ходитъ птичка весело
По тропинкѣ бѣдствій,

Не предвидя отъ сего
Никакихъ послѣдствій.

Чернецова.—Меня возмущаетъ эта безпринципность.

Катя.—Лунагорскіе очень богаты. Что имъ сколько-нибудь цвѣточковъ!

Чернецова.—Легкомысліе и полнѣйшая безпринципность. И зачѣмъ вы всегда заставляете Михаила быть съ вами?

Катя.—Онъ самъ.

Михаилъ.—Я самъ.

Чернецова.—Видите, какъ онъ повторяетъ ваши слова.

Катя.—У него и своихъ словъ много.

Чернецова.—Онъ еще совсѣмъ мальчикъ, и вы напрасно кокетничаете съ нимъ.

Катя (съ реверансомъ).—Я еще тоже дѣвочка. Мнѣ гдѣ же еще кокетничать! Я едва умѣю лепетать.

Чернецова.—Вы, Катя, ужасно легкомысленны, и въ вашемъ возрастѣ это даже странно. Можно не удивляться вашей безпринципности,—это не отъ васъ зависитъ,—но такое легкомысліе!

Катя дѣлаетъ реверансъ, и уходитъ черезъ садъ. Проходя за куртинами, говоритъ, какъ цыплятъ скликая:

— Принцыпъ, цыпъ, цыпъ, цыпъ!

Михаилъ.—Катя, что ты дѣлаешь?

Катя.—Мои принципы зову,—можетъ быть они найдутся. Цыпъ, цыпъ, цыпъ, принципъ! Цыпъ, цыпъ, цыпъ!

Приплясывая и напѣвая эти слова, убѣгаетъ въ глубину сада.

Чернецова.—Она плохо воспитана.

Михаилъ.—Мама, я съ тобою не согласенъ. Воспитана-то она не плохо,—только совсѣмъ не по-нашему.

XIV.

Изъ дому выходятъ Рогачевы. Здороваются съ Чернецовыми. Слышны обычныя фразы привѣтствій:

— Здравствуйте, Марія Петровна.
— ... Клавдія Григорьевна.
— ... Алексѣй Иванычъ.
— ... Константинъ Ѳедоровичъ.
— Какъ поживаете?
— Какъ ваше здоровье?
— Благодарю васъ, ничего.
— Отлично, благодарю васъ.
— Что новенькаго?
— Ну, что у насъ можетъ случиться новаго!

XV.

Возвращается и Катя. Улучивъ минуту, когда старшіе, занятые обрядомъ привѣтствій, на нихъ не смотрятъ, Михаилъ и Катя торопливо цѣлуются. Эти бѣглые поцѣлуи особенно заманчивы для нихъ, потому что въ нихъ есть элементъ опасности.

Теперь, когда родители Михаила и Кати сошлись вмѣстѣ, ясно выступаетъ разница между этими двумя по-разному интеллигентными семьями, семьею помѣщиковъ и семьею интеллигентныхъ пролетаріевъ. Все легко и даже легкомысленно у Рогачевыхъ,— все тяжеловѣсно, даже веселость, у Чернецовыхъ.

Рогачева (язвительно).—Покорно васъ благодарю, Марія Петровна.

Чернецова.—За что же это?

Рогачева.—За сынка.

Рогачевъ.—Вашъ сынокъ обнаруживаетъ легкомысленные поступки.

Чернецовъ.—Это прискорбно. А въ чемъ дѣло?

Рогачевъ.—Да вотъ, молодой человѣкъ проситъ руки нашей Кати.

Чернецовы и Рогачевы смѣются, и укоризненно смотрятъ на Михаила и Катю. Говорятъ всѣ вмѣстѣ.

Чернецовъ.—Принципіально я противъ раннихъ браковъ.

Чернецова.—Вы меня простите, Клавдія Григорьевна, я васъ уважаю, но я думаю, что моему сыну надо искать невѣсту изъ пролетарской семьи.

Рогачева.—Семья тутъ не при чемъ, Марія Петровна.

Чернецовъ.—Рано, рано, Михаилъ.

Рогачевъ.—У него ни кола, ни двора,—вы меня извините, Алексѣй Ивановичъ,—а за нею что? Земля заложена и перезаложена.

Рогачева. — Нынче ужъ нѣтъ дѣтей. Такой мальчикъ,— и вдругъ! Извольте радоваться!

Чернецова.—Совсѣмъ еще дѣвочка,—и вдругъ!

Рогачевъ (примирительно).—Это—дѣтское. Не стоитъ объ этомъ спорить. Сыграемте лучше въ шахматы, Алексѣй Ивановичъ.

XVI.

Смѣясь и разговаривая всѣ вмѣстѣ, Рогачевы и Чернецовы уходятъ въ домъ.

Катя плачетъ. Михаилъ что-то шепчетъ ей.

По дорожкамъ сада медленно проходитъ Лилитъ, дѣвочка лѣтъ пятнадцати, высокая и тонкая. Лицо у нея смуглое, худое, некрасивое. Глаза очень большіе, черные, съ длинными рѣсницами; брови черныя, лежатъ красивыми дугами. На головѣ цвѣты, бѣлые и желтые, полукругомъ положенные спереди. Пестрая и странная, но очень красивая одежда, короткая, до колѣнъ открывающая стройныя, босыя, загорѣлыя ноги. Движенія у Лилитъ медленныя и странныя. Она почти никогда не смѣется.

Лилитъ подходитъ къ террасѣ, всматривается, и говоритъ безъ выраженія:

— Здѣсь плачутъ.

Катя.—Лилитъ пришла.

Отираетъ слезы, и сходитъ въ садъ. Цѣлуется съ Лилитъ. Онѣ тихо разговариваютъ.

XVII.

На террасу выходитъ Чернецовъ и говоритъ Михаилу:

— Нѣтъ ли у тебя, Михаилъ, трехъ рублей?

Михаилъ (въ замѣшательствѣ). —Трехъ рублей?

Чернецовъ (смущенно).—Видишь ли, принципіально я, конечно, противъ того, чтобы брать у тебя деньги, заработанныя тобою. Но видишь ли, вышло такъ, что мнѣ до зарѣзу надо гдѣ-нибудь достать три рубля. Такой случай. Нѣтъ ли у тебя трехъ рублей?

Пренебрегая капиталомъ,
Искалъ сокровищъ для души,
Всю жизнь стремился къ идеаламъ,
А увидалъ одни шиши.

Такъ-то вотъ,—и не хочешь, да попросишь.

Михаилъ смущенно вынимаетъ кошелекъ и говоритъ:

— Нѣтъ ничего. Вотъ, пусто.

Чернецовъ.—На нѣтъ, конечно, и суда нѣтъ. Но только я не понимаю, куда ты тратишь. У тебя вчера еще были деньги.

Михаилъ.— Папа, ты забываешь, что у меня могутъ быть свои потребности.

Чернецовъ.—Потребности! Довольно странно. Тебѣ еще рано. И ты бы могъ со мною посовѣтоваться прежде, чѣмъ мѣть потребности. Если не довѣряешь мнѣ, какъ отцу, то посовѣтовался бы со мною, какъ съ врачомъ.

Михаилъ краснѣетъ багряно, и говоритъ звенящимъ голосомъ:

— Папа, ты меня не такъ понялъ. Это—цинично, то, что ты говоришь.

Чернецовъ.—Ну, ну, не кипятись, пожалуйста. Такъ нѣтъ? Этакая досада!

Идетъ къ двери, бормоча:

— Ахъ, иной у неба
Проситъ только хлѣба,
А другому нуженъ
И обѣдъ и ужинъ.

Въ дверяхъ останавливается, и говоритъ:

— А тамъ Суховъ пріѣхалъ. Не люблю этого жирнаго франтика. Зубы скалитъ, все принципіальное осмѣиваетъ, а у самого только два принципа,—не зѣвай, и угождай сильнымъ міра сего. Карманъ себѣ набьетъ, и карьеру сдѣлаетъ. Ловкачъ!

Уходитъ.

XVIII.

Катя, проходя съ Лилитъ мимо террасы, услышала эти слова, и опечалилась. Говоритъ тихо:

— Опять Суховъ.

Михаилъ на террасѣ одинъ задумчиво слѣдитъ за Катею.

Лилитъ спокойно отвѣчаетъ Катѣ:

— Веселый и любезный Суховъ.

Катя.—Онъ веселый, и умѣетъ разсмѣшить, а мнѣ съ нимъ невесело. Онъ милый, но я его не люблю.

Лилитъ.—Суховъ—милый? Нѣтъ, онъ—злой хищникъ. У него уши мохнатыя, глаза зеленые, а когти онъ прячетъ.

Катя.—И такъ ты его нарисовала?

Лилитъ.—Да.

Катя.—Покажи.

Лилитъ.—Хорошо. У меня дома. Приди. Я покажу.

Катя.—Ты и на меня нарисуешь карикатуру? Я тебя боюсь.

Лилитъ.—Я не страшная.

Катя.—А зачѣмъ ты карикатуры рисуешь на Михаила?

Лилитъ останавливается передъ Катею, становится передъ нею на колѣни, и говоритъ просительно

— Прости!

Смотритъ на Катю снизу вверхъ пристально, и стоитъ въ позѣ молящей.

Катя испугана; говоритъ:

— Что ты дѣлаешь, Лилитъ! Зачѣмъ это! Встань!

Лилитъ.—Прости.

Катя (со страхомъ). — А ты не будешь на Михаила карикатуръ рисовать?

Лилитъ.—Не буду. Прости.

Катя торопливо и съ волненіемъ говоритъ:

— На меня можно, на всѣхъ можно, на него нельзя.

Лилитъ.—Не буду. Прости.

Катя.—Я тебя прощаю, Лилитъ.

Лилитъ.—Благодарю.

Поднимается медленно, и цѣлуетъ Катю.

Катя.—Ты странная. Ты меня испугала. У меня сердце бьется. Зачѣмъ ты стала на колѣни?

Лилитъ.—Я не знаю. Ты не сердись.

XIX.

За дверью на террасу слышенъ въ домѣ веселый и шумный разговоръ. Выходятъ на террасу, продолжая разговаривать, Рогачева и Суховъ.

Суховъ—невысокаго роста молодой человѣкъ, довольно пол-

ный, жизнерадостный. Лицо красивое, веселое и невыразительное. Одѣтъ элегантно. У него большое и доходное имѣніе въ этой губерніи. Гдѣ-то служитъ; служба у него очень необременительная, но видная. Имѣетъ всѣ шансы на то, что на ближайшихъ выборахъ пройдетъ въ предводители дворянства.

Суховъ (продолжая).—Ну и можете себѣ представить, окатило буквально съ головы до ногъ.

Хохочетъ.

Рогачева (со смѣхомъ, ласково).—Какой кретинъ! Боже мой, какая глупость!

Видно, что она сама влюблена въ Сухова,—такъ нѣжно смотритъ на него.

Михаилъ, выходя изъ своей задумчивости, смотритъ на Сухова мрачно.

Суховъ (здороваясь съ Михаиломъ).—А, строитель Сольнесъ! Серьезенъ и строгъ, какъ всегда.

Михаилъ.—Вы, должно быть, любите дразнить глупыхъ птицъ. Но я вамъ не индюкъ.

Суховъ.—Охотно вѣрю вамъ на слово. Нѣтъ людей серьезнѣе гимназистовъ. Жаль, жаль, что вы еще не цѣлый инженеръ.

Михаилъ.—Почему вы объ этомъ жалѣете?

Суховъ.—Кое-что строю. Такъ, пустячекъ, больше для забавы и для извода денегъ.

Рогачева.—Ну, это вы такъ только говорите. Вы хоть и молодой, а отличный хозяинъ.

Суховъ, и за нимъ Рогачева спускаются съ террасы въ садъ. Лилитъ отходитъ въ глубину сада, и останавливается въ тѣни большого дерева. Катя идетъ навстрѣчу Сухову.

Суховъ.—А вотъ и Катя. А мы васъ ищемъ, ищемъ. Ну, дайте ваши лапки. Можно поцѣловать?

Катя.—Нельзя.

Суховъ.—Нѣтъ, мнѣ-то можно.

Цѣлуетъ ея руки.

Катя.—Вы дерзкій. Я вамъ говорю, нельзя.

Суховъ.—А я говорю, можно. Вы, Катя, моя невѣста, а я—вашъ женихъ. Это рѣшено и подписано, правда?

Катя.—Смотрите, не ошибитесь.

Суховъ.—А вы смотрите, не занозите ножки.

Рогачева.—Она у меня еще такой наивный ребенокъ.

Суховъ (глядя на Лилитъ).—Откуда ты, прелестное дитя?

Рогачева.—Это—наша сосѣдка, Лилечка Лунагорская. Славная дѣвочка, хотя немножко избалованная.

Суховъ.—А, Лилитъ! Да мы съ вами знакомы.

Лилитъ, стоя въ отдаленіи, говоритъ очень спокойно:

—Я вовсе не дѣвочка.

Суховъ (со смѣхомъ).—Не дѣвочка? А кто же ты? Мальчикъ въ юбочкѣ?

Лилитъ.—Я—сказка. Смотри, какіе у меня широкіе глаза. Я—сказка лѣсная, лунная.

Суховъ.—Иди къ намъ.

Лилитъ.—Нѣтъ, я уйду въ лѣсъ. Я тебя боюсь.

Убѣгаетъ.

XX.

Суховъ.—Очаровательная дикая дѣвочка. Такая некрасивая, но интересная очень! Странная.

Рогачева.—Она очень мило рисуетъ.

Михаилъ говоритъ съ тихимъ злорадствомъ, притворно-любезнымъ голосомъ:

— Лилитъ и на васъ, Владимиръ Павловичъ, карикатуру

нарисовала: глаза зеленые, уши острыя и мохнатыя, зубы острые, а когти спрятаны.

Суховъ хохочетъ, и весело говоритъ:

— Вотъ такъ красавецъ!

Рогачева (досадливо краснѣя).—Какая дерзкая, избалованная дѣвочка! Я бы ее... Да вы, Миша, сочинили?

Михаилъ.—Нѣтъ, я сказалъ правду. Я—плебей, и не усвоилъ благовоспитанной манеры лгать.

Суховъ наконецъ почувствовалъ ядъ насмѣшки, и разсердился, но не показываетъ этого, и говоритъ спокойно и любезно:

— Все это мило въ маломъ количествѣ и на большомъ разстояніи. Смотрите, Катя, не подражайте очень этой дикаркѣ. Не стоитъ, милая Катя.

Катя (съ досадою).—О, милая! Я не хочу быть для васъ милою.

Суховъ говоритъ тономъ легкой шутки:

— Милые бранятся, только тѣшатся. А не стоитъ, Катя, потому, что васъ то я не отпущу въ лѣсъ.

Михаилъ.—Вы испугали милую сказку Лилитъ, и жизнь моя, Катя, боится васъ, потому что вы—хищникъ.

Рогачева строго смотритъ на Михаила.

Суховъ.—Какое краснорѣчіе! Вы, молодой человѣкъ, слишкомъ трагически смотрите на вещи.

Михаилъ.—А вы, зрѣлый человѣкъ, смотрите на нихъ драматически.

Суховъ.—Ого, драматически! Я думалъ, вы скажете,—комически. Я, мой другъ, и драмамъ, и трагедіямъ предпочитаю оперетку. Я хочу быть лѣтъ черезъ двадцать министромъ, и потому всего усерднѣе хожу въ балетъ. Дррраму предоставляю вамъ, серьезнѣйшій изъ гимназистовъ.

Михаилъ.—Теперь вы ломаете фарсъ, а драма ваша еще впереди.

Суховъ (притворяясь испуганнымъ).—Ой, ой, ой, не пугайте! Какія страсти!

Рогачева (любуясь Суховымъ).—Васъ не испугаешь.

Суховъ.—Боюсь очень огорчить васъ, Катя, но долженъ все-таки вамъ сказать, что сегодня я никакъ не могу пробыть у васъ долго. Лучше и не просите...

Катя.—Да я и не прошу.

Суховъ.—...Сейчасъ уѣзжаю.

Катя.—Я очень рада. Пріѣзжайте поскорѣе туда, куда-нибудь отъ насъ подальше.

Показываетъ рукою вдаль, и смѣется.

Рогачева.—Катя, какъ это грубо! Какъ тебѣ не стыдно!

Катя (досадливо).—Очень стыдно,—только того, что я никакъ не могу его отвадить. Онъ ни на что не обидится. Что ему ни скажи, онъ притворится, что услышалъ любезность. Дипломатъ! Быть ему посломъ въ Парижѣ!

Суховъ хохочетъ.

Рогачева говоритъ укоризненно и строго:

— Катя! Ты себѣ очень много позволяешь.

Суховъ.—Не будемъ ссориться, Катя. Вѣдь мы друзья. И вы угадали, что меня вамъ не обидѣть. Очаровательныя дерзости идутъ къ вашей сельской простотѣ и къ загорѣлымъ, какъ у крестьяночки, ручкамъ и ножкамъ. А будетъ время, и къ вамъ такъ же пойдутъ любезныя слова, которыя будетъ мило говорить жена предводителя.

Катя (запальчиво).—Мой, онъ не будетъ предводителемъ!

Суховъ.—Или, по крайней мѣры, не долго останется имъ. Нѣтъ, Катя, будущее мы оставимъ въ покоѣ, а теперь лучше скажите мнѣ, что вы хотите, чтобы я вамъ привезъ. Вѣдь и маленькія деревенскія дѣвочки съ босыми ножками любятъ маленькіе подарочки. Я пріѣду послѣзавтра.

XXI.

Тихо разговаривая, на террасу выходятъ Рогачевъ и Чернецовъ.

Катя смотритъ на Сухова, угрюмо хмуря брови, и послѣ недолгаго молчанія говоритъ быстро и невесело:

— Привезите мнѣ какую-нибудь очень веселую книжку. Такую, которую можно дать даже умирающему, чтобы онъ смѣялся.

Суховъ смотритъ на нее, не понимая, и не знаетъ, что сказать.

Рогачева говоритъ строго:

— Катя, не говори глупостей.

Чернецовъ, вполголоса:

— Вынимаетъ новое
Онъ серебрецо,
Но она суровое
Дѣлаетъ лицо.

Суховъ.— Стишки собственнаго сочиненія?

Чернецовъ.—Нѣтъ, я этимъ не занимаюсь.

Искать по старымъ книжкамъ
Веселенькихъ стишковъ.
Изъ папки ребятишкамъ
Вырѣзывать коньковъ,
Плясать, да такъ, чтобъ скука
Бѣжала съ чердака,—
Ой-ли, вотъ вся наука
Бѣдняги чудака.

Произноситъ и эти стихи такимъ унылымъ басомъ, что всѣ улыбаются.

Суховъ.—Веселенькіе стишки, правда! Ну, что-жъ, Катя я поищу вамъ такую книжку. Клавдія Григорьевна, позвольте откланяться. Мнѣ пора.

Рогачевъ.—Нѣтъ, нѣтъ, какъ хотите, безъ ужина я васъ не отпущу. Чѣмъ Богъ послалъ.

Рогачева.—Пожалуйста, Владиміръ Павловичъ! Когда еще вы домой попадете! У насъ ужъ накрыто. Пожалуйста!

Чернецовъ.—А мы къ домамъ.

Рогачевъ и Рогачэва, увиваясь около Сухова, и вмѣстѣ съ нимъ уходя въ домъ, не замѣчаютъ Чернецова.

XXII.

На террасѣ остаются Чернецовъ и Михаилъ.

Чернецовъ.—Пора, пора, Михаилъ, пора домой.
Михаилъ.—Я ухожу.

Чернецовъ идетъ къ двери въ домъ, и говоритъ:

— Попрощаться надо съ хозяевами. Видишь, и Катя ушла.

И она, надѣвъ мантилью,
Затворила свой балконъ;
Закуривъ свою манилью,
Спать уходитъ нѣжный донъ.

— Такъ-то, братецъ, пора.

Уходитъ въ домъ, и за нимъ уходитъ туда же Михаилъ.

XXIII.

Холодѣющій воздухъ тихъ и ясенъ.

Черезъ садъ медленно проходитъ Лилитъ. Въ догорающихъ лучахъ зари лицо ея племенѣетъ. Капельки росы дрожатъ на

ея ногахъ. Лилитъ останавливается у террасы за липою. Изъ дому выходятъ Чернецовъ, Чернецова и Михаилъ, и идутъ черезъ садъ.

Чернецовъ говоритъ тихо:

— Не люблю этого франта. Не люблю. И ты его не любишь, Михаилъ. Ты изъ ревности, а я принципіально не люблю.

Чернецова.—Принципіально говоря, этотъ субъектъ и не можетъ быть инымъ. Это — естественный продуктъ своей среды.

Чернецовъ.—Ты не совсѣмъ права. Изъ этой среды все-жъ таки выходили...

Лилитъ тихо подходитъ къ Михаилу, — онъ идетъ позади своихъ родителей; Лилитъ дотрагивается до его руки. Михаилъ останавливается. Чернецовъ и Чернецова уходятъ; они, увлеченные своимъ разговоромъ, не замѣтили, какъ подошла Лилитъ, и не видѣли, какъ отсталъ отъ нихъ Михаилъ.

XXIV.

Тихо спрашиваетъ Лилитъ:

— Михаилъ, ты ее любишь?

Михаилъ отвѣчаетъ:

— Люблю.

Лилитъ.—Ты ее любишь. Я сегодня стояла передъ нею на колѣняхъ. Я поцѣлую, склонясь до земли, ея ноги. Не бойся, Михаилъ, я не убью ее. Я не ревную. Все, что ты любишь, для меня свято.

Тихо уходитъ.

Михаилъ зоветъ негромко:

— Лилитъ!

Лилитъ не отвѣчаетъ и уходитъ.

Михаилъ.—Лилитъ! Какая ты странная!

XXV.

Заря догорѣла. Сумерки сгущаются.

Изъ дому выходитъ Катя.

Въ прохладѣ и прозрачности яснаго вечера отчетливо слышитъ Михаилъ, какъ скрипнула ступенька террасы, какъ на дорожкѣ шелестятъ песчинки подъ босыми Катиными ногами. Сладостно холодѣя отъ восторга и печали, Михаилъ улыбается Катѣ.

Катя молча обнимаетъ Михаила, плачетъ, и говоритъ:

— Я не разлюблю тебя никогда, никогда. На жизнь и на смерть мы съ тобою вмѣстѣ.

Михаилъ.—Вмѣстѣ. Умремъ вмѣстѣ. Я не могу жить безъ тебя. Лучше умереть. Все въ этой жизни такъ противно.

Катя.—Я не хочу умирать, Миша!

Михаилъ.—Что же намъ дѣлать?

Катя.—Я еще такъ мало жила. Я еще хочу жить. Не надо смерти. Брось тотъ ядъ, который ты принесъ.

Михаилъ.—Катя, развѣ страшно умереть вмѣстѣ? Какъ умеръ этотъ день, и мы умремъ. Развѣ тебѣ страшно умереть со мною?

Катя.—Я хочу жить. Счастія хочу, и побѣды надъ жизнью. Мы молоды и сильны, и побѣдимъ. Развѣ не мы хозяева жизни? Развѣ не намъ принадлежитъ завтрашній день, когда мы будемъ сильны и свободны?

Михаилъ.—Катя, ты же сама говорила, что намъ надо умереть! Соглашалась со мною. А какъ до дѣла дошло, такъ ты и на попятный дворъ. Трусиха!

Катя.—Я не трусиха. Умереть не страшно. Никакой храбрости не надо. Для жизни больше надо храбрости.

Видно, что Михаилъ обидѣлся. Тяжелая пауза. Катя въ замѣшательствѣ. Порывается сказать что-то, и не знаетъ, какъ начать.

Михаилъ долго и сурово молчитъ. Наконецъ говоритъ угрюмо:

— Я могу и одинъ.

Катя (плача).—Глупый, не надо! Не надо умирать. Развѣ для того пришли мы на эту землю, чтобы умереть такъ рано? А гдѣ же та красота, которую ты долженъ повѣсить надъ безднами на паутинѣ изъ стальныхъ канатовъ? А гдѣ та жизнь новая, прекрасная, свободная, счастливая, которую мы съ тобою должны создать? Михаилъ, прекрасный мой, мы должны жить.

Склоняется къ его колѣнямъ, и цѣлуетъ его руки. На сценѣ совсѣмъ стемнѣло.

Михаилъ.—Тогда уйдемъ отсюда вмѣстѣ.

Катя.—Намъ еще учиться надо. Куда же мы пойдемъ? Я тебѣ только мѣшать буду. Въ годы борьбы и достиженій ты долженъ быть одинъ и работать, а я буду ждать. Тридцать лѣтъ готова ждать, какъ въ англійскомъ романѣ.

Плачетъ и смѣется.

Михаилъ.—Я поступлю въ Институтъ, ты на курсы.

Катя.—Я — маленькая глупая дѣвочка. Книги — хорошо. Ахъ, какъ много въ нихъ хорошаго! Учиться, узнавать — какая въ этомъ радость! Но это и такой большой, большой трудъ. Если я буду сидѣть у тебя на колѣняхъ, какъ же ты будешь учиться? Мы будемъ ждать.

Михаилъ.—Чего ждать?

Катя.—Пока мы будемъ сильными.

За сценою слышенъ голосъ Чернецова:

— Михаилъ, гдѣ же ты?

Михаилъ.—Я буду сильнымъ. Я буду сильнымъ. Я вер-

нусь къ тебѣ побѣдителемъ. Если мы не сумѣли умереть, мы будемъ жить,—и побѣдимъ.

Порывисто цѣлуетъ ее, и убѣгаетъ.

XXVI.

Катя плачетъ долго, и напѣваетъ тихо, сидя на ступенькѣ террасы, и покачиваясь:

— Если-бъ, сердце, ты лежало
На рукахъ моихъ,
Все качала бы, качала
Я тебя на нихъ,
Словно мать дитя родное
Съ тихою мольбой,—
И затихло-бъ, ретивое,
Ты передо мной.
Но въ груди моей сокрыто,
Заперто въ тюрьму,
Ты доступно, ты открыто
Одному ему.

XXVII.

Входитъ Лилитъ. Говоритъ негромко:

— Катя, не плачь. Не стоитъ плакать. Хочешь, я тебя утѣшу?

Поднимается луна. Катя быстро встала со ступеньки, и прислушивается. Тихій голосъ Лилитъ кажется ей чужимъ и незнакомымъ.

Робко и тихо спрашиваетъ Катя:

— Кто это? Кто здѣсь!
Лилитъ.—Это я, Лилитъ.
Катя.—Ахъ, Лилечка! Я тебя не узнала.

Лилитъ.—Ты подремли, я тебя утѣшать буду, пѣсенку спою.

Катя.—Чѣмъ ты меня утѣшишь?

Лилитъ.—Смотри, какіе у меня большіе глаза, какія у меня тонкія руки. Смотри, какая сказка я, тихая, лѣсная. Сядь здѣсь на ступени, и дремли.

Усаживаетъ Катю на ступеньки террасы, сама садится у ея ногъ и нѣжно гладитъ ея руки. Напѣваетъ тихо:

— Острою сѣкирой ранена береза,
По корѣ сребристой покатились слезы.
Ты не плачь, береза, бѣдная, не сѣтуй,
Рана не смертельна, вылѣчишься къ лѣту,
Будешь красоваться, листьями убрана, —
Лишь больное сердце не залѣчитъ раны.

Склоняется тихо, и цѣлуетъ Катины ноги.

Катя сидитъ неподвижно, какъ зачарованная, и говоритъ,—и страхъ слышенъ въ ея голосѣ:

— Лилитъ, что ты дѣлаешь? Не пугай меня, сказка моя милая, мечта моя лунная. Зачѣмъ ты цѣлуешь мои босыя ноги? Онѣ въ пыли.

Лилитъ.—Вѣдь и я его люблю.

Катя.—Ты? Михаила?

Быстро встаетъ.

Лилитъ осталась у Катиныхъ ногъ и отвѣчаетъ ей:

— Да. А онъ на меня и смотрѣть не хочетъ. А вѣдь я же не плачу!

Катя.—О, ты его любишь! Ты смѣешь его любить!

Лилитъ.—Глупая, чего же ты сердишься? Вѣдь я тебѣ не мѣшаю. Люби его, люби моего милаго.

Катя.—Ты не смѣешь его любить! Онъ мой.

Лилитъ.—И пусть будетъ твой. И возьми его. Я вѣдь ничего не требую. Я только люблю.

Катя.—Никому его не отдамъ.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

I.

Прошло четыре съ половиною года. Конецъ декабря. Зимній день, морозный, бѣлый, ясный. Рогачевы живутъ въ городѣ, и Катя еще у родителей, хотя имъ и хочется поскорѣе выдать ее замужъ.

Рогачевы влачатъ странное существованіе людей, проживающихъ послѣднее. Рогачевъ служитъ по выборамъ. Получаетъ жалованье, которое кажется ему ничтожнымъ. Къ службѣ онъ относится небрежно, да и ладить съ людьми не умѣетъ. Имъ недовольны, и вторично не выберутъ.

Имѣніе, конечно, въ упадкѣ,—обременено долгами, не разъ назначалось къ продажѣ, но пока Рогачевымъ удавалось коекакъ спасать имѣніе. Теперь окончательное разореніе близко, и Рогачевы мечтаютъ выдать Катю замужъ за Сухова, надѣясь, что онъ поможетъ имъ освободить имѣніе хоть отъ части долговъ.

Городская квартира Рогачевыхъ обставлена старыми вещами, вывезенными изъ имѣнія, дорогими и интересными. Нѣтъ нагроможденія вещей, и вся обстановка обличаетъ хорошій, строгій вкусъ.

Катя выросла, похорошѣла. Ей уже двадцать лѣтъ. Она—сильная и здоровая дѣвушка. Теперь она обвѣяна мечтами, и все время находится въ мечтательно-эротическомъ настроеніи. Она уже не такая смѣшливая, какъ прежде, но все еще веселая и жизнерадостная. Ей жалко родителей, и хочется спасти имѣніе, но она вѣритъ въ побѣду свою надъ жизнью.

Михаила она любитъ по-прежнему нѣжно. Темная страстность томитъ ее, но сближенія съ Михаиломъ она боится,—боится помѣшать ему стать сильнымъ и свободнымъ, истиннымъ господиномъ жизни.

Посрединѣ комнаты Катя стоитъ одна. Въ ея рукахъ красиво-переплетенная книга,—собраніе стиховъ Зинаиды Гиппіусъ. Стоя лицомъ къ только-что раздвинувшемуся занавѣсу, Катя говоритъ, читая названіе стихотворенія:

— Любовь—одна.

Прижимаетъ открытую книгу къ груди, и смотритъ прямо передъ собою. Мечтательная и немного испуганная улыбка на ея губахъ, и кажется, что стѣна передъ нею развѣялась, и что она глядитъ въ глаза многихъ, въ темнотѣ широкаго театра ожидающихъ ея словъ. Потомъ она опять поднимаетъ раскрытую книгу, и медленно, громко читаетъ волнующія ее слова:

Единый разъ вскипаетъ пѣной,
И разсыпается волна.
Не можетъ сердце жить измѣной,
Измѣны нѣтъ: любовь—одна.
Мы негодуемъ, иль играемъ,
Иль лжемъ,—но въ сердцѣ тишина,
Мы никогда не измѣняемъ:
Душа одна,—любовь одна.
Однообразно и пустынно,
Однообразіемъ сильна,
Проходитъ жизнь... И въ жизни длинной
Любовь одна, всегда одна.

Лишь въ неизмѣнномъ—безконечность,
Лишь въ постоянномъ—глубина.
И дальше путь, и ближе вѣчность,
И все яснѣй: любовь--одна.
Любви мы платимъ нашей кровью,
Но вѣрная душа вѣрна,
И любимъ мы одной любовью...
Любовь одна, какъ смерть одна.

II.

Рогачева, ничуть не измѣнившаяся за эти годы, выходитъ и говоритъ Катѣ:

— Я думала, Катя, ты съ кѣмъ-нибудь разговариваешь. А это ты стѣнкамъ стихи читаешь. Нашла занятіе!

Катя смотритъ на мать, словно разбуженная, и говоритъ:

— Какимъ стѣнкамъ? Развѣ тамъ стѣна?

Рогачева.—А что же тамъ?

Катя мимо стѣнъ комнаты всматривается во что-то, чего не видитъ ея мать, дѣлаетъ широкій жестъ, и говоритъ:

— Тамъ люди, тамъ жизнь!

Рогачева.—Ну, пусть тамъ, за стѣною, люди,—намъ-то что до нихъ! Много ихъ, всякихъ людишекъ.

Катя разсѣянно улыбается и опять стоитъ молча, не глядя на мать, всматриваясь во что-то далекое,—и кажется, что раскрываются передъ нею неизмѣримыя дали жизни.

Рогачева безтолково и взволнованно мечется вокругъ нея, заходитъ то съ одной стороны, то съ другой, старается заглянуть въ Катино лицо сбоку, но почему-то не рѣшается стать передъ нею, между ея неподвижнымъ взоромъ и темными ея видѣніями.

Наконецъ она говоритъ досадливо и робко:

— Катя! Катя! Ну, куда ты смотришь? Что ты въ стѣну-то уставилась? Что мать пугаешь?

Катя поворачивается къ матери и говоритъ:

— А здѣсь мама, папа, милая старушка няня,—маленькій міръ. Маленькій міръ, но липкій. Глупое сердце привязчиво. Свой домикъ, свои вещицы, старыя, милыя, своя землица,—какое глупое сердце! Тропинки, по которымъ я босикомъ ходила, земля родная. Ахъ, маленькій міръ! Милый, тѣсный, замкнутый въ себѣ. И для тебя, маленькій, я должна что-то сдѣлать, успокоить ихъ, которые ждать не могутъ. Ты взялъ меня въ плѣнъ, и не выпускаешь.

Рогачева.—Стиховъ начиталась. Ахъ, Катя, Катя!

Катя.—Что, мама?

Рогачева.—Ты, Катя, похорошѣла, выровнялась. Тебѣ замужъ пора выходить.

Катя.—Скучно, скучно, мама! И ты, мама, и отецъ, оба вы теперь только объ этомъ со мною и говорите.

Услышавъ, что Катя говоритъ понятными ей словами, Рогачева успокоилась, сѣла и говоритъ:

— Да какъ же не говорить-то, если это—правда! Конечно, пора! И есть за кого, слава Богу.

Катя.—Ахъ, старички мои милые, скучно мнѣ съ вами!

Во все время разговора съ матерью Катя безпокойно переходитъ съ мѣста на мѣсто, то сядетъ, то опять встанетъ. Книгу она положила на столъ, но иногда возвращается къ ней, разсѣянно перелистываетъ ее, и опять оставляетъ. То вещь какую-нибудь переставитъ съ мѣста на мѣсто, то въ зеркало посмотрится.

Рогачева.—Что ты, Катя, все твердишь,—скучно да скучно! Почему же тебѣ, Катенька, милая моя, съ нами скучно ужъ такъ?

Катя.—Да вотъ потому, что однообразные вы очень и слабые.

Рогачева, начиная кипятиться, горячо говоритъ:

— Что значитъ слабые? Чего же ты отъ насъ хочешь? Что намъ дѣлать? Горы ворочать? Горъ никто не ворочаетъ.

Катя.—Да, горъ никто не ворочаетъ. Вы—милые, но ужъ очень слабые.

Рогачева.—Заладила одно — слабые! Вотъ обвиненіе странное!

Катя.—Да я, мама, не обвиняю.

Рогачева.—Не можетъ же твой отецъ омужичиться, и гроши изъ земли выколачивать, точно какой-нибудь кулакъ деревенскій! У него не такой характеръ. Да онъ, наконецъ, не такъ и воспитанъ.

Катя, разсѣянно улыбаясь, говоритъ тихо:

— Да, совсѣмъ не такъ.

Рогачева, помолчавши немного, и пытливо глядя на Катю, говоритъ мягкимъ, убѣждающимъ тономъ:

— Выходила бы ты, Катя, за Владиміра Павловича. Человѣкъ онъ хорошій, добрый, простой, сердечный. Стоитъ на хорошей дорогѣ. Молодъ, богатъ. Тебя онъ любитъ.

Катя.—Любитъ, любитъ! Ахъ, мама!

Рогачева.—Всякое твое желаніе онъ исполнитъ. И отцу поможетъ обернуться. Сама знаешь, какія наши дѣла плохія. Того и гляди, продадутъ съ молотка наше имѣніе.

Катя.—Захочу, выйду, захочу, нѣтъ. Зачѣмъ мнѣ Суховъ? Я Михаила люблю.

Рогачева (наставительно).—А ты и объ отцѣ подумай.

Катя.—Папа служитъ.

Рогачева.—Что его служба! Гроши даетъ. Имѣніе не сегодня, завтра, за долги продадутъ.

Катя.—Продадутъ! Милые старички мои, плохіе вы хозяева! Что мнѣ дѣлать съ вами!

Рогачева.—Изъ твоего Михаила еще нивѣсть, что будетъ,—какой-то онъ, прости Господи, блаженный. А Суховъ тутъ вотъ весь передъ глазами.

Катя.—Да, на десятки лѣтъ заведенъ прочно.

Рогачева.—И тебѣ, Катя, надъ нимъ смѣяться грѣшно. Онъ тебя любитъ.

Катя.—Любитъ! Мнѣ-то что?

Единый разъ вскипаетъ пѣной,
И разбивается волна.
Не можетъ сердце жить измѣной.
Измѣны нѣтъ,—любовь одна.

Стихи приводятъ Рогачеву въ нервное настроеніе. Она говоритъ испуганно:

— Катя, ты опять видѣла Михаила?

Катя.—Да, я видѣла его у Лунагорскихъ. Я говорила съ нимъ долго, долго.

Вздыхаетъ счастливо, улыбается и говоритъ радостно:

— Онъ сегодня обѣщалъ притти къ намъ.

Рогачева.—Зачѣмъ?

Катя.—Такія рѣдкія встрѣчи и такія сладкія!

Рогачева (сердито).—Зачѣмъ онъ придетъ? По-моему, нечего ему у насъ дѣлать.

Катя (рѣшительно).—Я его пригласила.

Рогачева.—Напрасно.

Катя.—Я люблю, я хочу,—ахъ мама, ты этого не понимаешь!

Рогачева.—Ты много понимаешь! Ничего хорошаго изъ этого не выйдетъ.

Катя.—Мой милый, мой прекрасный Михаилъ! Онъ никогда не сдѣлалъ ничего недолжнаго. Онъ — благородный, чистый. Онъ слишкомъ благородный. Онъ лучше меня.

Рогачева (съ досадою).—Ну, еще бы!

Катя.—Я люблю, люблю его! Когда онъ будетъ сильнымъ, я приду къ нему, и ничто меня не удержитъ. Посадите меня въ темницу,—двери желѣзныя сломаю. Снимите съ меня одежды,—голая пойду къ нему по шумнымъ улицамъ.

Рогачева (укоризненно).—Постыдись, Катя! Что ты говоришь! Какія порочныя у тебя мечты!

Катя.—Не называйте нашу любовь порочною. Она чище, чѣмъ то, что вы мнѣ готовите съ этимъ Суховымъ.

Рогачева.—Катя, Катя, вѣдь только на тебя всѣ наши надежды.

Въ ея рукахъ появляется платокъ, и она дѣлаетъ съ его помощью демонстрацію плача.

Катя.—Ахъ, все то же, то же, то же. Надоѣло!

Рогачева.—Хорошо тебѣ такъ говорить, а намъ-то каково! На старости лѣтъ своего угла лишиться и остаться безъ куска хлѣба.

Катя.—Но вѣдь я не люблю Сухова. Я люблю Михаила.

Рогачева.—Любовь до гроба,—съ милымъ рай и въ шалашѣ,—ахъ, всѣ эти глупости давно пора забыть. Какая тамъ любовь! Въ жизни не о любви думать приходится, а о томъ, какъ семью устроить.

Катя.—Какой злой демонъ придумалъ семью, это подлое учрежденіе, гдѣ всѣ у всѣхъ въ рабствѣ! И не на кого пенять,—такъ издавна повелось, все это, глупое, но все же трогательное, жестокое, но милое.

III.

Входитъ Рогачевъ. Онъ не измѣнился почти нисколько. Имѣетъ такой же легкомысленно-бодрящійся видъ потертаго судьбою, но ничему не научившагося человѣка. Только въ бородѣ прибавилось нѣсколько сѣдыхъ волосъ, но борода подстрижена и причесана волосокъ къ волоску. Одѣтъ очень тщательно и модно.

Рогачевъ.—Мама съ дочкой, а тему разговора угадываю.

Катя.—Да, папа, все о томъ же.

Рогачевъ.—И мы все капризничаемъ.

Катя молча подходитъ къ окну и останавливается, полуотвернувшись отъ родителей.

Рогачевъ.—Дѣлай, какъ знаешь, Катя, но помни, что только на тебя вся наша надежда.

Катя (улыбаясь).—И ты, папа, хочешь, чтобы я сдѣлала хорошую партію.

Рогачевъ.—Я хочу тебѣ добра, Катя.

Катя.—А если мнѣ еще съ вами хочется жить, дома, съ тобою и съ мамой?

Рогачевъ.—Живи, конечно. Развѣ же мы тебя вынуждаемъ? Только скоро у насъ у самихъ ничего не останется.

Катя.—Ты такъ увѣренъ, папа, что на выборахъ твоя партія провалится?

Рогачевъ.—Какая тамъ партія! Это мнѣ все равно, я—не партійный человѣкъ. А только второй разъ меня не выберутъ.

Катя.—Зачѣмъ же ты, папа, держишься этихъ людей?

Рогачевъ.—Не могу же я быть со всякими радикальными болтунами! Мы должны поддерживать добрыя дворянскія традиціи. А не выберутъ меня потому, что я горячъ, и ладить со всякою дрянью не умѣю. Если я вижу, что онъ—прохвостъ, я это ему прямо и говорю. Не выберутъ, знаю. Да если бы и выбрали, все равно,—на землѣ такъ много долговъ, что долго намъ ее за собою не удержать.

Катя.--Ты, папочка, слишкомъ баринъ. Въ тебѣ мало дѣлового человѣка.

Рогачевъ говоритъ легкомысленнымъ и веселымъ тономъ:

— Нельзя ли безъ критики! Молоды еще вы, милая барышня, для того, чтобы дѣлать наставленія убѣленному сѣдиною отцу!

Катя нѣжно обнимаетъ его и говоритъ съ улыбкою:

— Извините, не буду! Только я совсѣмъ ужъ не такъ молода. Я все знаю.

Рогачева.—Катя, можно Богъ знаетъ что подумать!

Рогачевъ.—Что же ты, напримѣръ, знаешь?

Катя.—Я знаю, что мужъ, за котораго выходятъ безъ любви, это вѣдь то же, что для мужчины, для юноши—проституція. Да еще первый мужъ!

Рогачевъ.—Что за глупости!

Рогачева.—Катя, какъ тебѣ не стыдно говорить такія гадкія слова!

Катя, танцуя, кружится по комнатѣ, и напѣваетъ:

— Единый разъ вскипаетъ пѣной,
И разбивается волна.

Убѣгаетъ.

IV.

Рогачева.—Не уговорить мнѣ ее! Ужъ очень она влюблена въ Михаила. Не выйдетъ она за Сухова.

Рогачевъ.—Ну, какъ не выйти! Выйдетъ. Суховъ богатъ, молодъ, красивъ, любезенъ. Всякая вышла бы за него. Студіозусъ ему не соперникъ, хоть его маменька и увѣряетъ, что учащаяся молодежь—гордость и надежда страны. Ну, Клавдія, я ухожу. Надо у Нелѣниныхъ побывать.

Уходитъ и за нимъ идетъ Рогачева. Комната нѣкоторое время пуста. Доносятся веселые молодые голоса.

V.

Входятъ Катя и Михаилъ.

Онъ въ формѣ студента одного изъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній. Красивый, стройный молодой человѣкъ двадцати двухъ лѣтъ. Держится спокойно и болѣе увѣренно, чѣмъ въ первомъ дѣйствіи. На лицѣ, холодномъ и спокойномъ, явственно выраженіе твердой воли. Но видно, что еще онъ не

собралъ всѣхъ своихъ силъ и не достигъ совершеннаго самообладанія. Иногда маска холоднаго спокойствія спадаетъ съ его лица, и подъ нею открывается ликъ волнующагося, невиннаго и страстнаго юноши.

На жизнь Михаилъ смотритъ, какъ на борьбу и на подвигъ. Катю любитъ онъ неизмѣнно; для нея онъ сберегъ свою чистоту, и она для него является залогомъ великихъ обѣщаній. Мечта о ней манитъ его къ труднымъ достиженіямъ, и для нея онъ хочетъ строить новую жизнь, какъ строятъ мосты и храмы.

Въ своей обычной жизни Михаилъ и Катя далеки одинъ отъ другого,—онъ учится въ столицѣ, она живетъ здѣсь, въ губернскомъ городѣ. Встрѣчаются они не часто. Ихъ поцѣлуи и объятія еще невинны по-дѣтски.

Катя.—Я такъ рѣдко тебя вижу. Ты уже нѣсколько дней въ городѣ, а встрѣчаться съ тобою приходится то въ гостяхъ, то въ театрѣ. Наконецъ-то собрался притти! Отчего ты не приходишь къ намъ чаще?

Михаилъ.—Милая моя Катя, твои родители и такъ смотрятъ на меня косо. А если я поважусь ходить къ вамъ часто, такъ они, пожалуй, попросятъ и совсѣмъ не ходить.

Катя.—О, посмѣли бы они это сдѣлать!

Михаилъ и Катя сѣли рядомъ, смотрятъ другъ на друга съ грустною нѣжностью и говорятъ.

Михаилъ.—Вотъ, они предсказывали, что наша дѣтская любовь исчезнетъ. Но проходятъ годы, и каждый прожитый день расширяетъ и углубляетъ мою любовь.

Катя.—Нашу любовь! Наша любовь—святыня, и мы будемъ ее хранить всегда.

Михаилъ.—Я люблю только тебя. Я и весь міръ только черезъ тебя понимаю. И что хочу дѣлать, все для тебя. Строить легко и дерзко, въ простотѣ соединеній и линій открыть высокую красоту, желѣзную сквозную мечту поставить надъ безднами, мечту о тебѣ, единственная моя!

Катя.—Ты—счастливый! Живешь, мечтаешь, а мы... живемъ, не живемъ. Какъ тѣни на стѣнѣ... Михаилъ, а что я тебя спрошу, ты мнѣ скажешь?

Михаилъ.—Конечно, скажу, все, что ты спросишь. Если, конечно, самъ знаю.

Катя.—Ты, Миша, не сердись.

Михаилъ.—Да на что же?

Катя (волнуясь).—Видишь, какъ бы это тебѣ сказать... ну, я знаю, ты меня любишь. Ну, конечно, ты мнѣ не измѣнишь. Но я же знаю, ну, вѣдь это у всѣхъ бываетъ, это, это, такое нечистое, грубое. Миша, Миша, скажи...

Михаилъ, словно заражаясь ея волненіемъ, говоритъ страстно:

— Нѣтъ, Катя, нѣтъ, нѣтъ. Этого не было, не было. Милая Катя, вѣрь мнѣ, этого не было.

Катя.—Михаилъ, прости. (Плачетъ). Я знаю, ты—чистый, благородный, а я—гадкая. У меня скверныя мысли.

Михаилъ.—Мы должны быть чистыми.

Катя.—Темная сила влечетъ меня,—и я, какъ слѣпая бабочка. Я не понимаю, что во мнѣ, что со мною.

Михаилъ.—Милая моя, жизнь моя, Катя!

Катя.—Такъ люблю! Могу ли быть женою? Смѣю ли? Твоею женою. Мнѣ кажется иногда, что я не стою тебя. Ты лучше меня, чище меня, ненаглядный мой!

Михаилъ.—Повѣрь мнѣ, Катя, обуздывать мою страстность, подавлять въ себѣ всѣ эти дикія желанія,—чего мнѣ это стоитъ! Иногда я спрашиваю себя,—да во имя чего я это дѣлаю? Но я гоню отъ себя эти искусительныя мысли. Я хочу быть чистымъ, я не хочу осквернить моей любви къ тебѣ неистовыми порывами, потому-что я такъ люблю тебя! Все нѣжнѣе съ каждымъ днемъ. И нѣжность моя къ тебѣ такъ велика, что она гаситъ во мнѣ жгучее пламя чувственности.

Катя мечтательно смотритъ въ даль, опять раскрывшуюся передъ нею, и говоритъ:

— Да, вотъ ты опять уѣдешь, и опять я не увижу тебя

долго, долго! И только мечтать о тебѣ буду,—днемъ и ночью сладко мечтать. И ждать!

Михаилъ.—Зачѣмъ же ты остаешься здѣсь? Сколько разъ я звалъ тебя съ собою.

Катя.—Мои старички съ такою надеждою смотрятъ на меня.

Михаилъ.—Для отживающихъ отдавать свои лучшіе годы,—Катя, милая моя Катя, не ошибаешься ли ты?

Катя.—Нѣтъ, не только для нихъ. Правда, мнѣ жаль ихъ, и нашего имѣнія жаль, моей земли родной,—но не то, не то! Не это главное.

Михаилъ.—А что же?

Катя.—Расточать въ сѣрые будни то, что зацвѣтетъ праздничнымъ цвѣтомъ? Нѣтъ, этого я не хочу. Бѣгать по грошовымъ урокамъ, чтобы кое-какъ прожить, и изъ-за этого кое-какъ учиться, и сдѣлаться заурядньмъ строителемъ,—къ этому тебя тащить? Нѣтъ, этого я не хочу.

Михаилъ.—Обо мнѣ ты не думай. Я силенъ, здоровъ и настойчивъ. Я многое могу.

Катя.—О тебѣ не думать? Хорошо, такъ обо мнѣ подумай. Ты долженъ вести меня къ побѣдѣ, къ жизни свободной, свѣтлой, счастливой, къ жизни, которую мы радостно сотворимъ изъ грубаго матеріала этого косного бытія,—такъ радостно, что она вся засіяетъ и заблещетъ, преображенная нашею волею.

Михаилъ.—Такъ, милая Катя, такъ,—не забывай этой нашей задачи.

Катя.—Къ этому празднику долженъ ты меня вести. Но куда же ты поведешь меня теперь? На чердакъ на двадцатой линіи Васильевскаго острова, или въ жалкую конуру гдѣ-нибудь въ грязномъ переулкѣ на Пескахъ?

Михаилъ смотритъ на Катю съ удивленіемъ, и укоризненно спрашиваетъ:

— Что ты говоришь, Катя?

Катя.—Милый, я боюсь этой жизни. Я боюсь, что всѣ мечты наши поблекнутъ подъ пылью мелкихъ ссоръ, и смѣхъ мой,—помнишь? золотые колокольчики, ты такъ называлъ мой

смѣхъ, – мой легкій смѣхъ перевьется, опутается хриплымъ, простуженнымъ кашлемъ.

Михаилъ.—Нѣтъ, Катя, это не такъ. Всѣ лишенія легко преодолѣетъ гордая, молодая воля.

Катя говоритъ разсѣянно:

— Сначала трудъ жизни, потомъ радость ея.

Михаилъ.—Ахъ, Катя, радость нельзя отложить до завтра.

Катя.—Милый, милый!

Подходитъ къ роялю, разсѣянно беретъ нѣсколько аккордовъ изъ Периколы, и поетъ:

— Навѣки твоя Перикола,
Но больше страдать не могу.

Михаилъ.—Какія циничныя слова! Пѣвичка бросаетъ своего милаго, потому что ее подпоили и обольстили хорошимъ обѣдомъ!

Катя.—А мнѣ, ты думаешь, легко? Но ты, Михаилъ, долженъ мнѣ все простить, что бы я ни сдѣлала, потому что я люблю только тебя.

Михаилъ.—Что ты хочешь сдѣлать, Катя?

Катя со слезами на глазахъ повторяетъ стихи:

— Единый разъ вскипаетъ пѣной,
И разбивается волна.
Не можетъ сердце жить измѣной.
Измѣны нѣтъ—любовь одна.

Михаилъ тревожно спрашиваетъ:

— Катя, ты замышляешь что-то?

Катя.—Милый, милый!

Цѣлуетъ и ласкаетъ Михаила. Потомъ, заслышавъ шаги въ сосѣдней комнатѣ, отходитъ къ окну, задумчиво глядитъ на улицу и тихо говоритъ:

О, вѣщая душа моя!
О, сердце, полное тревоги!
О, какъ ты бьешься на порогѣ
Какъ бы двойного бытія!

VI.

Рогачева входитъ съ озабоченнымъ видомъ и говоритъ

— Ищу, ищу... А, здравствуйте, голубчикъ.

Михаилъ подходитъ къ Рогачевой и цѣлуетъ ея руку.

Рогачева.—Не могу найти моего кошелька. Не въ твоей ли, Катя, комнатѣ я его оставила? Поищи, милая.

Катя выходитъ.

VII.

Рогачева.—Сколько расходовъ въ городѣ, не приведи Богъ! Ужъ я очень экономная хозяйка, а все-таки концы съ концами трудно сводить. Сегодня Константинъ Ѳедоровичъ достанетъ денегъ, а пока... Кстати, Миша, если вы при деньгахъ, не можете ли вы мнѣ дать до завтра десять рублей?

Михаилъ.—Съ удовольствіемъ.

Совершенно такъ же, какъ въ первомъ дѣйствіи, Михаилъ вынимаетъ изъ кошелька десятирублевку и подаетъ ее Рогачевой. Рогачева беретъ ее съ такими же, какъ тогда, словами:

— Пожалуйста! Ну вотъ, большое вамъ спасибо, Миша. Я вамъ непремѣнно завтра отдамъ.

Михаилъ.—Пожалуйста, не безпокойтесь. Мнѣ такъ скоро эти деньги не понадобятся.

Рогачева садится на диванъ, принимаетъ довѣрчивый видъ и говоритъ Михаилу:

— Голубчикъ, скажу вамъ откровенно,—мы въ долгу, какъ въ шелку. Одна надежда на Катю.

Михаилъ садится близъ нея и говоритъ невесело:

— Вамъ хочется выдать ее за богатаго.

Рогачева.—Владиміръ Павловичъ въ нее влюбленъ, и это для нея во всѣхъ отношеніяхъ превосходная партія. А вы, Миша, никогда богатымъ не будете.

Михаилъ улыбается и спрашиваетъ:

— Почему вы такъ думаете, Клавдія Григорьевна?

Рогачева.—У васъ кто ни попроси, вы всѣмъ даете. А зачѣмъ? Я то вамъ отдамъ, непремѣнно отдамъ изъ первыхъ же хозяйскихъ денегъ, а вотъ мужу моему вы не давайте. Онъ ни за что не отдастъ. Не любитъ онъ платить долги.

Михаилъ.—Глупъ вашъ Суховъ, и Катя его не любитъ.

Рогачева.—Она еще такъ молода. Полюбитъ, когда привыкнетъ.

Михаилъ.—Если захочетъ привыкать.

Рогачева.—Послушайте, Миша, я такъ давно васъ знаю, я вѣдь васъ еще совсѣмъ мальчикомъ помню, такъ что я имѣю право, надѣюсь, говорить съ вами откровенно.

Михаилъ.—Конечно. И я это очень цѣню.

Рогачева.—Вы милый, хоть и угловатый немного.

Михаилъ.—Благодарю.

Рогачева.—Не за что. Ужъ вы меня, старуху, извините. Я, повѣрьте мнѣ, душевно была бы рада, если бы Катя вышла за васъ. Но вѣдь вы, голубчикъ, сами понимаете, что это невозможно.

Михаилъ съ внезапною, простодушно-юношескою грубоватостью говоритъ:

— Ну, все одна и та же пѣсня, которую и слушать досадно!

Рогачева.—Вы, Миша, очень раздражительны, и это, право, нехорошо.

Михаилъ.—Извините. Но я не понимаю, право...

Рогачева.—Да вѣдь у васъ, голубчикъ, ни кола, ни двора. Родители помогать вамъ не могутъ,—не изъ чего. Чѣмъ же вы жить будете, если повѣнчаетесь?

Михаилъ.—Надѣюсь, что я способенъ работать.

Рогачева.—Голубчикъ, я же въ этомъ не сомнѣваюсь. Но подумайте о своей будущности. Вамъ надо курсъ кончать. А теперь много ли вы уроками достанете! А потомъ вамъ надо дѣлать карьеру. И кто знаетъ, какія передъ вами откроются возможности! Слишкомъ ранняя женитьба можетъ связать вамъ руки.

Михаилъ.—Я не понимаю, на что вы намекаете, Клавдія Григорьевна.

Рогачева.—Да прямо сказать, вамъ можетъ представиться другая партія. Да и вообще жена васъ во всѣхъ отношеніяхъ свяжетъ. Вамъ только лѣтъ тридцати пора будетъ жениться. А вѣдь вы съ Катей почти погодки. Ей тогда уже двадцать восемь лѣтъ стукнетъ. Не можетъ же она до такихъ лѣтъ сидѣть въ дѣвицахъ.

Михаилъ.—И старше выходятъ замужъ.

Рогачева.—Да ей-то какая крайность! У нея хорошій женихъ есть. Неужели вы ей счастія не желаете?

Михаилъ.—А въ чемъ, по-вашему, счастіе?

Рогачева.—Голубчикъ, не будемте философствовать. Ей пора замужъ. Смотрите, она, какъ ошалѣлая, ходитъ, да стихи читаетъ. А если, замужъ выйдя, надъ каждымъ грошемъ трястись придется, такъ ужъ плохое это счастіе!

Услышавъ знакомые въ сосѣдней комнатѣ голоса, Рогачева суетливо встаетъ съ дивана, и говоритъ:

— Миша, пройдемте въ столовую,—тамъ подали чай.

Уходятъ.

VIII.

Комната нѣсколько времени пуста. Все слышнѣе за другою дверью голоса, и наконецъ оттуда входятъ Катя и Суховъ.

Суховъ почти такой же, какъ въ первомъ дѣйствіи, только чуть-чуть пополнѣлъ. У Сухова въ рукахъ небольшой футляръ.

Катя.—Могли бы, Владиміръ Павловичъ, и не являться такъ часто.

Суховъ.—Если бы не дѣла, повѣрьте, Катя, я бы всю жизнь радъ былъ сидѣть у вашихъ ногъ.

Катя.—Покорно благодарю! По-моему, это очень скучно.

Суховъ.—А главное, невозможно. Дѣла. Такъ вотъ, за невозможностью быть самому всегда съ вами, позвольте мнѣ вручить вамъ этотъ простенькій браслетикъ.

Раскрываетъ футляръ. Что-то многоцвѣтное переливается въ немъ радужными огнями.

Катя.—О! Это очаровательно! Но съ чего вы вздумали, что я это возьму? Отдайте это вашей невѣстѣ.

Суховъ.—Слушаю-съ! Ваше желаніе для меня законъ. А такъ какъ моя невѣста—вы, Катя, то я и подношу вамъ эту ничтожную вещицу. Она мала, но да будетъ она залогомъ моего большого и искренняго чувства къ вамъ.

Катя.—Какой вы странный, Владиміръ Павловичъ! Зачѣмъ вы хотите, чтобы я вышла за васъ замужъ? Вѣдь вы же знаете, что я васъ не люблю!

Суховъ.—Я васъ люблю, Катя.

Катя.—Этого мало.

Суховъ.—Дитя, что вы понимаете въ этомъ? Я васъ люблю,— а меня вы полюбите.

Катя говоритъ задумчиво:

— А если никогда не полюблю?

Суховъ.—Что-жъ, сердцу не закажешь! Не полюбите, тогда я силою держать васъ около не стану. Вы свободны.

Въ голосѣ Сухова звучитъ заносчивая самоувѣренность.

Катя усмѣхается невесело, смотритъ, любуясь, на браслетъ съ какою-то задумчивою грустью кладетъ его на столъ, оставивъ футляръ открытымъ, и говоритъ невесело.

— Какая же это будетъ свобода, если я буду вашею женою! Вотъ, уже и наручникъ вы для меня принесли,— цѣпь зозотая, осыпанная драгоцѣнными, сверкающими камнями, но все же цѣпь.

Суховъ.—Такую цѣпь не трудно разорвать. Время теремовъ миновало. Если бы вамъ вздумалось вернуть себѣ свободу, я не сдѣлаю вамъ никакихъ затрудненій, повѣрьте мнѣ. Я смиренно прошу отъ васъ теперь только того, что вы можете мнѣ дать сейчасъ: вашей руки. А ваше сердце я самъ завоюю, и въ этомъ ужъ моя отвѣтственность, если всѣ старанія мои окажутся неудачными.

И опять тотъ же заносчиво-самоувѣренный и легкій тонъ, граничащій съ тономъ легкой шутки.

Катя смотритъ мечтательно передъ собою, въ милыя дали былого, и говоритъ тихо:

— Земля моя родная, милая,—мать земля сырая,—тропинки, по которымъ я босоногая ходила,—невинные полевые цвѣточки,— портреты дѣдовъ и пѣвучая рояль,—и старички мои усталые...

Вздыхаетъ глубоко, и, какъ разбуженная отъ милаго сна, обращается опять къ Сухову:

— Такъ вотъ, какъ только я захочу отъ васъ уйти, вы меня отпустите, да? Обѣщаете?

Суховъ.—Обѣщаю. Самое торжественное обѣщаніе даю.

Катя протягиваетъ руку Сухову и спрашиваетъ:

— Честное слово?

Суховъ говоритъ радостнымъ и увѣреннымъ тономъ:

— Честное слово! Оставляю вамъ всѣ права, а на себя беру

только обязанность быть вашимъ вѣрнымъ и преданнымъ другомъ и слугою.

Улыбается, радостно смотритъ Катѣ въ глаза, и цѣлуетъ ея руку.

Катя.—Смотрите же, вы дали честное слово. Потомъ не пеняйте на меня, если я воспользуюсь вашимъ обѣщаніемъ.

Суховъ (шутливо).—Моимъ торжественнымъ обѣщаніемъ! Вотъ, поистинѣ, странный договоръ!

Катя.—Странный, не странный, но вы дали слово.

Суховъ.—И я его сдержу, можете быть увѣрены.

Катя задумчиво подходитъ къ окну. Невесело смотритъ на улицу.

Суховъ подходитъ къ Катѣ, осторожно заглядываетъ ей въ лицо и спрашиваетъ:

— Милая Катя, что же вы мнѣ скажете?

Катя.—Пока ничего, Владимиръ Павловичъ. Вы не должны меня такъ торопить. Скажу потомъ. Скоро скажу. Можетъ быть, скажу да, можетъ быть, нѣтъ.

IX.

Входятъ, тихо разговаривая, Рогачева и Михаилъ. Слышны слова.

Рогачева.—Повѣрьте моей опытности, Миша.

Михаилъ.—Опытъ, опытъ! Не далеко ушли бы мы съ опытомъ прежнихъ поколѣній. Мы создадимъ новую жизнь.

Рогачева.—И все это перемѣнимъ, не такъ ли? А, Владимиръ Павловичъ. Какъ я вамъ рада!

Суховъ цѣлуетъ руку Рогачевой и говоритъ съ притворною скромностью самоувѣренности:

5*

— Если я вамъ еще не надоѣлъ.

Рогачева. — О, что вы говорите! Какъ вы можете это думать! А это что? Какая прелесть!

Беретъ со стола браслетъ и любуется имъ. Суховъ не можетъ удержать самодовольной улыбки.

Катя отвѣчаетъ невесело:

— Это—подарокъ Владимира Павловича. Цѣпочка мнѣ на руку.

Рогачева.—О, какой вы милый, Владимиръ Павловичъ! Вы ее балуете. Она, право, не стоитъ такихъ дорогихъ подарковъ, моя дѣвочка капризная. Она еще молода для такой роскоши.

Суховъ.—Молодость и красота не нуждаются въ уборахъ, конечно,—и этотъ маленькій подарочекъ, мнѣ кажется, достаточно скроменъ.

Рогачева.—Милый Владимиръ Павловичъ, право, я не знаю, какъ и благодарить васъ за то вниманіе, которое вы оказываете моей дочуркѣ.

Суховъ.—Это я благодаренъ Екатеринѣ Константиновнѣ за то, что она была такъ милостива, и не отвергла моего подарка.

Михаилъ стоитъ въ сторонѣ и смотритъ хмуро. Катя подходитъ къ Рогачевой, говоритъ съ нею тихо, и обѣ онѣ уходятъ, межъ тѣмъ, какъ Суховъ подходитъ къ Михаилу поздороваться.

X.

Суховъ.—Михаилъ Алексѣевичъ! Какая пріятная встрѣча!

Михаилъ молча пожимаетъ ему руку.

Суховъ.—Вчера я видѣлъ васъ въ театрѣ, но не удалось подойти. Не правда ли, было очень мило въ общемъ?

Михаилъ.—Вы сегодня, Владимиръ Павловичъ, въ очень хорошемъ настроеніи.

Суховъ.—По обыкновенію.

Михаилъ.—Сегодня вы чему-то особенно радуетесь. Можно полюбопытствовать, чему?

Суховъ.—Если хотите, да, я радуюсь.

Михаилъ.—Чему же?

Суховъ.—Моему счастію.

Михаилъ.—Васъ назначили вице-губернаторомъ.

Суховъ.—О, да вы—злой! Нѣтъ, до этого еще далеко. Мое счастіе ближе.

Михаилъ (ревниво).—Въ этомъ домѣ?

Суховъ.—Да.

Михаилъ.—Вы увѣрены?

Суховъ.—Екатерина Константиновна почти обѣщала мнѣ.

Михаилъ.—Почти! Вотъ вы чему радуетесь! И васъ ничто не останавливаетъ?

Суховъ.—Не сердитесь на меня, голубчикъ. Я васъ чень уважаю. Но ее я люблю, и уступить не могу.

Михаилъ.—А я могу вамъ уступить? Я ее люблю, и она меня любитъ.

Суховъ.—Въ этомъ, какъ и всегда въ жизни, кто силенъ, тотъ и правъ. Да и что такое первая любовь? Она, какъ первый снѣгъ,—растаетъ, забудется. Впрочемъ, что же намъ спорить? Рѣшеніе зависитъ отъ Екатерины Константиновны.

Такъ разговаривая, они отходятъ въ глубину сцены.

XI.

Въ это время, продолжая начатый разговоръ, выходятъ Катя и Лилитъ.

Лилитъ еще выросла, и потому кажется тоньше, чѣмъ прежде. На ея смугломъ лицѣ ярокъ румянецъ отъ мороза. Глаза блестятъ радостно и немного дико. Ея движенія, какъ и прежде, медленны, но теперь они красивы и изысканы. Одѣта въ темное, очень красивое платье, простое покроемъ, безъ украшеній.

Слышны слова:

Катя.—Чтобы не омрачить нашей любви неизбѣжностью этихъ прозаическихъ вздоровъ, я готова принести эту жертву, отдать эти годы.

Лилитъ.—Эти годы пройдутъ...

Суховъ подходитъ къ Лилитъ и говоритъ ей:

— Милая художница, когда же вы намъ покажете вашу новую картину?

Лилитъ пожимаетъ руку ему и Михаилу и говоритъ:

— Я еще только учусь. Здравствуй, Михаилъ.

Суховъ.—Ученица, подающая большія надежды. Но отчего такъ непонятно то, что вы рисуете?

Лилитъ спокойно отвѣчаетъ:

— Мнѣ самой понятно.

Суховъ.—Ну, этого мало.

Разговаривая, Суховъ и Лилитъ выходятъ.

XII.

Катя медленно подходитъ къ Михаилу. Лицо ея грустно, но спокойно.

День вечерѣетъ. Сумеречныя тѣни возникаютъ въ углахъ и ширятся понемногу.

Михаилъ.—Ты такъ рѣшила, Катя? Ты будешь женою Сухова?

Катя.—Да, Михаилъ.

Михаилъ..—Развѣ ты его полюбила?

Катя.—Нѣтъ, Михаилъ. Я люблю только тебя. Любила и буду любить только тебя. Только тебя.

Михаилъ.—Катя, Катя, подумай, что ты дѣлаешь!

Катя.—Михаилъ, не осуждай меня. Такъ надо.

Михаилъ.—Зачѣмъ?

Катя говоритъ волнуясь, почти плача:

— Мнѣ тяжело, Михаилъ, но я на вѣрномъ пути. Я не могу иначе. Вѣрь мнѣ, я вѣрна только тебѣ. Иду къ другому, но вѣрная душа вѣрна. Мы никогда не измѣняемъ. Душа одна,— любовь одна. Пламя, горящее въ моемъ тѣлѣ, тобою зажжено. Что-то темное, чувственное увлекаетъ меня. Я, какъ слѣпая бабочка. Но черезъ слабость мою, черезъ паденіе мое иду къ силѣ, къ побѣдѣ, къ тебѣ! А ты для меня—единственный. Милый мой, прекрасный мой Михаилъ, вѣрь мнѣ!

Михаилъ.—Катя, я тебѣ вѣрю.

Катя.—Теперь мы разстанемся. Мы сдѣлаемъ все, чего хотятъ отъ насъ люди, милые и страшные люди этого дня, наши случайные владыки. Какъ оброкъ, какъ дань, отдадимъ имъ эти наши годы, мы, еще слабые, еще плѣнные, еще бѣдные заложники жизни. Сегодня мы еще въ плѣну, а завтра, завтра мы побѣдимъ, мы будемъ сильны, мы будемъ господами жизни. И тогда легко, легко я стряхну эти глупыя цѣпи, и приду къ тебѣ, мой милый, прекрасный мой Михаилъ.

Михаилъ.—Я тебѣ вѣрю. Хочу вѣрить. Въ душѣ моей отчаяніе. Но отчаяніе мое свѣтлое. Оно свѣтлѣе радости.

Катя, обнявъ Михаила, плачетъ.

За окнами сгущаются сумерки.

Михаилъ.—Жизнь моя, ты отходишь отъ меня! За темную даль тяжелыхъ лѣтъ отходишь ты отъ меня. Мое отчаяніе велико, но и радостно оно, какъ счастіе. Богъ срастилъ вершины счастія и горя,—вотъ, теперь, въ горькій часъ разлуки я понялъ это мудрое древнее слово.

Катя.—Михаилъ, будь сильнымъ! Милый мой, прекрасный Михаилъ!

Михаилъ.—Да, Катя, я буду сильнымъ.

Катя.—Мы побѣдимъ, Михаилъ. Вѣрь, что мы побѣдимъ. Будущее—наше.

Михаилъ.—Я буду безпощадно-сильнымъ.

Катя.—Теперь пора. Разстанемся. Пора, пора.

Катя обнимаетъ Михаила и, плача, долго цѣлуетъ его. Михаилъ молча ласкаетъ ее, проводя рукою по ея волосамъ и спинѣ, и шепчетъ ей нѣжныя слова утѣшенія. Наконецъ Катя отрывается отъ этихъ горькихъ лобзаній и быстро идетъ къ двери. Навстрѣчу ей выходитъ Лилитъ.

Катя.—Лилитъ, милая Лилитъ, утѣшь его, какъ меня утѣшала.

Порывисто обнимаетъ и цѣлуетъ Лилитъ и уходитъ.

XIII.

Въ комнатѣ становится все темнѣе. За окномъ на улицѣ зажгли фонарь. Свѣтъ отъ него, слабый и странный, падаетъ въ комнату,—и изъ открытыхъ направо и налѣво дверей тянутся полосы свѣта.

Лилитъ подходитъ къ Михаилу, и говоритъ ему тихо и спокойно:

— Михаилъ, такъ надо.

Михаилъ.—Что тебѣ, Лилитъ?

Лилитъ.—Михаилъ, глупый, что же ты тоскуешь?

Михаилъ.—Я не тоскую, Лилитъ. Во мнѣ радость, потому что я люблю Катю, и она отъ меня ушла. Но ты этого не поймешь.

Лилитъ.—О, не пойму! Глупый! Я тебя люблю, сегодня и всегда, когда ты захочешь, а она любитъ тебя въ далекомъ, въ побѣдѣ надъ жизнью. А мнѣ и жизни не надо. Такъ, живу немножко, вечерняя, ночная. Луну люблю, и свѣтъ фонарей электрическихъ на улицѣ, и кабачки, гдѣ музыка. Рисовать люблю,— и тебя люблю, потому что ты любишь другую.

Михаилъ.—Ты—странная и милая, Лилитъ.

Лилитъ.—Я—радостная нынче, мечта свѣтлая и тихая.

Михаилъ.—Отчего же ты не смѣешься, не улыбаешься?

Лилитъ.—Моя радость—тихая и грустная, какъ тѣ царевны мечтательнаго рая, которыхъ я пишу,—свѣтлыя, въ черныхъ хитонахъ.

Михаилъ.—Въ твоей радости—безуміе и забвеніе. И на твоихъ картинахъ лунный свѣтъ, а не солнечный,—но картины твои все-таки прекрасны.

Лилитъ.—Я не люблю солнца, я люблю луну. Я—лунная Лилитъ, какъ та, которая была создана раньше Евы, та, которая первая любила Адама. И вотъ теперь...

Михаилъ.—Ты все мечтаешь, Лилитъ.

Лилитъ продолжаетъ:

—... Опять тихо, опять темно, опять я тебя люблю.

Михаилъ.—Хочешь, Лилитъ, я провожу тебя до твоего дома?

Лилитъ.—Пойдемъ вмѣстѣ, Михаилъ.

Михаилъ.—Куда?

Лилитъ.—Сначала пойдемъ въ кабачекъ. Тамъ весело.

Михаилъ.—Нѣтъ, Лилитъ, сегодня я не хочу веселья.

Лилитъ.—Мы сядемъ въ сторонкѣ, пивка немножко выпьемъ, музыку послушаемъ, погрустимъ и посмѣемся. А потомъ пойдемъ вмѣстѣ.

Михаилъ.—Куда?

Лилитъ.—Михаилъ, возьми меня съ собою.

Михаилъ.—Милая, добрая Лилитъ, я не тебя люблю. Безконечная нѣжность къ тебѣ въ моемъ сердцѣ, но я не тебя люблю, милая, безумная Лилитъ!

Прячась за портьерою, Катя слушаетъ ихъ разговоръ.

Лилитъ.—А я люблю тебя, Михаилъ. Дай мнѣ быть около тебя эти годы. А когда ты скажешь мнѣ,—уйди, Лилитъ,—я уйду.

Михаилъ.—Если ты, Лилитъ, такъ хочешь,—что жъ, приди

ко мнѣ, живи со иною. Но помни, я ее люблю, и всегда буду любить, а тебя не полюблю.

Лилитъ.—Я буду помнить, Михаилъ. И въ безнадежности есть счастіе.

Михаилъ.—И когда я скажу тебѣ,—уйди, Лилитъ,—ты уйдешь.

Лилитъ.—Да, я только пока у тебя побуду.

Михаилъ.—Милая, безумная Лилитъ, какая печаль тебя ждетъ!

Лилитъ.—Печаль—хорошо.

Михаилъ.—Ты будешь плакать?

Лилитъ.—Лилитъ никогда не плачетъ. У Лилитъ нѣтъ слезъ. Ну, что жъ, идемъ въ кабачекъ? Тамъ хорошо, тамъ музыка играетъ. Или у тебя денежковъ нѣтъ? Ты имъ послѣднія отдалъ? Да вѣдь мы немножко. Я тебѣ своихъ дамъ.

Вынимаетъ маленькій кошелечекъ, высыпаетъ на ладонь нѣсколько серебряныхъ монетокъ, подаетъ ихъ Михаилу, и говоритъ:

— Пойдемъ въ кабачокъ, пропьемъ пятачокъ.

Михаилъ (улыбаясь).—Немного у тебя денежекъ, Лилитъ. Ну, ничего, у меня еще осталось достаточно. Пойдемъ, Лилитъ, моя милая лунная мечта. Погрустимъ, помечтаемъ съ тобою, пока не придетъ за мною жизнь моя. Пойдемъ, милая Лилитъ.

Лилитъ.—Купи мнѣ розу. За гривенникъ. Купишь, милый?

Михаилъ.—Куплю, Лилитъ.

Михаилъ и Лилитъ уходятъ.

XIV.

Выходитъ Катя. Тихо идетъ по комнатѣ. Дойдя до выходной двери, опускается на колѣни, опирается на стулъ рукою, пла-

четъ, и, не отводя глазъ отъ двери, за которою скрылся Михаилъ, говоритъ тѣ же стихи:

— Единый разъ вскипаетъ пѣной,
И разбивается волна.
Не можетъ сердце жить измѣной,
Измѣны нѣтъ,—любовь одна.

Склоняется головою на стулъ, и плачетъ по-дѣтски неудержимо.

Конецъ второго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

I.

Прошло еще восемь лѣтъ. Михаилъ стяжалъ себѣ своими постройками извѣстность и состояніе. Онъ много работаетъ. Только что кончилъ постройку своего дома.

Съ Михаиломъ живетъ Лилитъ,—доживаетъ послѣдніе дни своего грустнаго счастія, луннаго, мечтательнаго, таинственнаго.

Домъ Михаила простъ и прекрасенъ, какъ и все, что онъ дѣлаетъ. Въ домѣ нѣтъ лишнихъ вещей, и тѣ, которыя есть, производятъ впечатлѣніе мудрой согласованности и красоты.

Передъ зрителями открывается комната, очень высокая. Задняя стѣна этой комнаты закрыта большимъ зеленовато-бѣлымъ занавѣсомъ на бронзовомъ толстомъ прутѣ. Занавѣсъ слегка просвѣчиваетъ, словно за нимъ скрыта широкая арка въ ярко-освѣщенный покой; оттуда доносятся легкіе звуки грустной музыки,—кто-то искусный играетъ на рояли лунную сонату Бетховена.

Съ правой стороны комнаты—одно, очень широкое, окно, изъ котораго льются потоки яснаго луннаго свѣта. На лѣвой сторонѣ—каминъ, въ которомъ пылаютъ угли. На лѣвой же сторонѣ, у занавѣса, стоитъ высокій бронзовый семисвѣчникъ.

Въ комнатѣ трое: Михаилъ, Чернецовъ и Лилитъ.

М и х а и л ъ сидитъ у камина. Михаилу теперь тридцать лѣтъ. Онъ очень красивый, сильный и спокойный; это его спокойствіе даже кажется иногда чрезмѣрнымъ. У него небольшая борода, черная, подстриженная ровно. На немъ домашній, красивый и удобный нарядъ несовременнаго покроя.

Рядомъ съ М и х а и л о м ъ сидитъ Ч е р н е ц о в ъ. Постарѣлъ, но не измѣнился. Куритъ папиросу за папиросою.

Въ глубинѣ комнаты, направо, у занавѣса, тамъ, гдѣ онъ яснѣе всего освѣщенъ смѣшеніемъ луннаго свѣта и свѣта просвѣчивающаго, Л и л и т ъ, въ черномъ хитонѣ, босая. Ея тонкія руки обнажены. Она очень блѣдна и тонка, и въ лунномъ свѣтѣ кажется неживою. На лицѣ ея лежатъ тусклыя тѣни утомленіе и печали.

Она пляшетъ медленно и грустно,—и когда она пляшетъ, кажется, что луна свѣтитъ только на ея пляску, что только для нея пѣвучая плачетъ рояль. Когда ея пляска уноситъ ее отъ окна къ мерцанію желтыхъ семи свѣчъ, она останавливается и говоритъ о томъ, что мечтается ей. Она говоритъ тихо, безъ внѣшняго паѳоса и безъ замедленія словъ. И тогда ярко-раскаленные угли камина бросаютъ на ея лицо, и на ея спокойныя руки, и на ея легкія ноги, и на длинныя складки ея чернаго хитона красноватый, зловѣщій отблескъ. Всѣ ея движенія сдержанны и спокойны, и голосъ ея холоденъ и тихъ.

Во время ея пляски М и х а и л ъ и Ч е р н е ц о в ъ тихо разговариваютъ. Только иногда отдѣльныя фразы ихъ разговора слышны.

М и х а и л ъ.—Такъ-то, отецъ, жестокая жизнь!
Ч е р н е ц о в ъ.—Жестокая, Михаилъ.

Я книгу взялъ, возставъ отъ сна,
И прочиталъ я въ ней:
„Бывали хуже времена,
А не было подлѣй“.

Лилитъ останавливается передъ семисвѣчникомъ и говоритъ:

— Я—первозданная Лилитъ, первая жена человѣка, та, которую онъ отвергъ.

Пляшетъ.

Михаилъ.—Самая большая грусть моей жизни—то, что я разстаюсь съ Лилитъ.

Лилитъ.—Я была создана въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ. Весь день томилась я жаждою встрѣчи. Мечтою и тайною обвитая, подъ луною тихою и грустною пришла я къ моему милому, въ его наглядѣться глаза, съ его душою мою слить душу, лунныя разсказать ему сказки, съ нимъ вмѣстѣ погрузиться въ забвеніе грубаго бытія.

Пляшетъ.

Михаилъ.—Лилитъ—моя сказка. А отъ сказки уходятъ къ жизни.

Лилитъ.—Но возстали на меня буйныя земныя силы, и возникла иная, и прогналъ меня милый мой.

Пляшетъ.

Чернецовъ.—Я отдаю тебѣ справедливость, Михаилъ, но принципіально не могу согласиться. Нѣтъ, не могу, какъ хочешь.

Лилитъ.—Но не забылъ онъ меня, и не забудетъ. Въ томные часы изнеможенія и печали я легкою тѣнью проходила передъ нимъ, недостижимая и желанная.

Пляшетъ.

Михаилъ.—Я никогда не забуду Лилитъ.

Лилитъ.—И, когда пришелъ его смертный часъ, душу его я вынула, и отнесла ее въ царство тѣней.

Пляшетъ.

Михаилъ.—Нѣтъ, отецъ, Катя должна уйти отъ Сухова. Она—моя, и теперь уже навсегда.

Лилитъ.—И вотъ я живу нескончаемые вѣка, и прихожу къ нему въ часы мечтаній сладостныхъ и лунныхъ и въ темныя минуты смертной истомы.

Пляшетъ.

Михаилъ.—Такъ надо, отецъ.

Лилитъ.—И когда восходитъ луна, къ ней мои простираю руки, и о ней говорю и мечтаю.

Пляшетъ.

Музыка замолкла. Лилитъ подходитъ къ Михаилу и спокойно смотритъ на него.

Михаилъ.—Милая мечтательница! Какъ ты хорошо танцуешь! Благодарю тебя за твой радостный трудъ, за это очарованіе нашимъ взорамъ. Отдохни, посиди здѣсь, у камина.

Отходитъ къ окну, стоитъ задумчивый, освѣщенный луною, и потомъ уходитъ.

II.

Лилитъ садится у камина и молча глядитъ на пыланіе его углей. Чернецовъ тихо беретъ ея руку. Лилитъ поднимаетъ на него грустный взглядъ.

Чернецовъ:

— Я скажу тебѣ всю правду,
Дай лишь на руку взглянуть.
Берегись, тебя твой милый
Замышляетъ обмануть.

Лилитъ.—Нѣтъ, меня онъ не обманетъ.

Чернецовъ.—Почему ты все про эту древнюю Лилитъ вспоминаешь?

Лилитъ опять смотритъ на огонь и говоритъ тихо:

— Я о себѣ вспоминаю, о своемъ далекомъ и вѣчномъ. Когда Катя ушла отъ Михаила, и Михаилъ взялъ меня къ себѣ, я молилась, чтобы далъ мнѣ Богъ только хоть семь лѣтъ счастія. И онъ услышалъ меня, и далъ мнѣ семь лѣтъ, и еще одинъ годъ изъ милости. И вотъ, прошли всѣ мои сроки, и я должна уйти.

Чернецовъ.—Зачѣмъ же тебѣ уходить, Лилитъ?

Лилитъ.—Зачѣмъ? Ахъ, не даромъ называютъ меня безумною! Я только семь лѣтъ вымолила. Вотъ они и прошли, и прошелъ лишній годъ, данный мнѣ изъ милости.

Чернецовъ.—Что же Михаилъ тебѣ сказалъ?

Лилитъ.—Онъ сказалъ: скоро она, жизнь моя, придетъ ко мнѣ, и тогда ты, Лилитъ, уйди. Тогда уйди. Такъ же это и было рѣшено съ самаго начала.

Чернецовъ.—Это нехорошо съ его стороны. Очень нехорошо.

Лилитъ съ умоляющимъ жестомъ обращается къ Чернецову и говоритъ:

— Нѣтъ, не вините его. Не надо. Сердцу не прикажешь. Любовь свободна, какъ вѣтеръ, пустынный и холодный однимъ, и благодатный для другихъ.

Чернецовъ.—Все-таки Михаилъ очень виноватъ передъ тобою.

Лилитъ.—Никто не виноватъ. Развѣ есть виноватые?

III.

Разговаривая, входятъ Михаилъ и Чернецова. Лилитъ опять молча смотритъ на огонь камина. Чернецовъ такъ же молча куритъ.

Чернецова.—Михаилъ, я тебѣ удивляюсь.

Михаилъ.—Напрасно, мама.

Чернецова.—Я не понимаю, Михаилъ, какъ можно въ наши тяжелые дни тратить время на любовь и на красоту!

Михаилъ.—А на что же и тратить время? На вражду и на уродство?

Чернецова.—Все время слѣдуетъ цѣликомъ посвятить созидательной общественной работѣ.

Михаилъ.—Работѣ время, потѣхѣ часъ.

Чернецова.—И во всякомъ случаѣ, къ чему же эти твои безумныя траты на обстановку?

Михаилъ.—Мама, я люблю вещи. Плохой бы я былъ строитель, если бы я самъ не любилъ вещей. И я достаточно много работалъ, такъ что могу позволить себѣ это невинное удовольствіе—окружить себя вещами.

Чернецова.—Ты еще не уплатилъ своего долга народу,—это разъ. А второе,—на стоимость этихъ вещей можно было бы основать общеполезное предпріятіе, при чемъ, конечно, форма и условія этого предпріятія могли бы быть опредѣлены тобою въ соотвѣтствіи съ назрѣвшими потребностями той или другой мѣстности.

Михаилъ.—Ахъ, мама, потребности той или другой мѣстности всегда будутъ назрѣвать, а я владѣю только немногими годами для личнаго счастія.

Чернецова.—Какъ можно думать о личномъ счастіи, когда вокругъ такъ много всякаго горя!

Михаилъ.—Милая мама, первый общественный долгъ всякаго человѣка—быть счастливымъ и сильнымъ. Только сильные и счастливые построятъ счастливый и разумный міръ.

Чернецова.—По моему мнѣнію, ставка на сильныхъ—не лучшій способъ выигрывать. А куда же дѣваться слабымъ и несчастнымъ?

Чернецовъ.—Ну, не ворчи, старуха. Пойдемъ-ка лучше чай пить съ сухарями. Это намъ по зубамъ.

Чернецовы уходятъ.

6

IV.

Михаилъ.—Лилитъ, ты всегда любила черный цвѣтъ?

Лилитъ.—Всегда.

Отходитъ отъ камина и останавливается передъ Михаиломъ, спокойная и покорная.

Михаилъ.—Онъ къ тебѣ почему-то идетъ, этотъ цвѣтъ печали.

Лилитъ.—Это—цвѣтъ послѣдней свободы.

Слышенъ легкій стукъ въ дверь.

Лилитъ вопросительно взглядываетъ на Михаила и потомъ говоритъ:

— Войдите.

V.

Входитъ Катя, въ свѣтломъ городскомъ платьѣ, красивомъ, сшитомъ по модѣ завтрашняго дня.

Катя уже восемь лѣтъ замужемъ за Суховымъ. У нихъ двое дѣтей, мальчикъ и дѣвочка. Катя прекрасна, весела и сильна. Всѣ въ томъ городѣ, гдѣ живетъ Михаилъ, и гдѣ Суховъ занимаетъ видное положеніе, считаютъ ее примѣрною женою и нѣжною матерью.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ разлуки встрѣтилась она недавно съ Михаиломъ, и отдалась ему спокойно, легко и радостно, какъ счастію обѣщанному, хотя еще тайному, и потому неполному. И вотъ нынѣ достигло своего зенита ея двойное бытіе,—бытіе жены одного и страстной любовницы другого. Она часто приходитъ къ Михаилу,—и все сильнѣй томитъ ихъ обоихъ то, что еще скрываютъ они свою любовь. Открыто порвать съ мужемъ она еще колеблется, хотя Михаилъ настаиваетъ на этомъ.

Когда Михаилъ и Катя вмѣстѣ, они кажутся достигшим полнаго возможнаго на землѣ совершенства, образцами красоты человѣческой въ ея наиболѣе общемъ выраженіи.

Отношенія между Катею и Лилитъ, какъ и прежде, представлялютъ смѣшеніе дружбы и вражды, и обѣ онѣ, какъ жизнь и мечта. Теперь, когда одна изъ нихъ нарядно одѣта, и другая въ черномъ хитонѣ для танца, эта противоположность между ними совершенно ясна.

Катя смотритъ на Лилитъ съ боязливою злостью, и потомъ принуждаетъ себя къ любезной и дружеской улыбкѣ. Лилитъ идетъ навстрѣчу Катѣ, и смотритъ на нее съ обычнымъ, простодушнымъ спокойствіемъ. Онѣ цѣлуются.

Катя.—У васъ никого нѣтъ?

Михаилъ.—Никого чужихъ.

Цѣлуетъ Катину руку.

Лилитъ идетъ къ двери.

Катя.—Куда же ты, Лилитъ?

Лилитъ.—Тамъ его родители. Я къ нимъ пойду.

Катя.—Когда я прихожу къ Михаилу, ты, Лилитъ, всегда уходишь.

Лилитъ.—Это тебя и сердитъ и радуетъ.

Катя.—Зачѣмъ же ты уходишь?

Лилитъ.—Мы занимаемъ его по очереди. Когда-нибудь будетъ иначе.

Уходитъ.

VI.

Катя и Михаилъ, оставшись одни, страстно цѣлуются.

Катя.—Мой милый, мой геніальный строитель!

Михаилъ.—Катя, что-же, говорила ты наконецъ съ Владиміромъ Павловичемъ?

Катя.—Нѣтъ еще.

Михаилъ.—Почему? Чего ты ждешь?

Катя.—Онъ такъ любитъ своихъ дѣтей.

Михаилъ.—Это—не причина. Пусть они ему и остаются. Я не хочу больше скрывать нашу связь.

Катя.—Мнѣ жаль его.

Михаилъ.—Ты, можетъ быть, успѣла его полюбить?

Катя.—Нѣтъ...

Грусть ложится на Катино лицо, и тихо говоритъ она:

— Мнѣ почти страшно, когда я думаю, что всѣ эти годы могли бы и не быть, и что это мое двойное бытіе—только ошибка. Какъ-будто я поступила по какому-то старому и уже обветшалому обряду. Зачѣмъ-то вошла я въ царство призраковъ, и вывела оттуда живыхъ дѣтей. Я ихъ люблю, а иногда боюсь ихъ, какъ чего-то недолжнаго.

Михаилъ говоритъ рѣшительно и настойчиво:

— Я хочу, чтобы все это было кончено.

Катя.—Но ты, Михаилъ, долженъ сдѣлать еще одинъ шагъ, самый трудный.

Михаилъ.—Какой?

Катя.—Достроить свой домъ.

Эти слова Катя произноситъ медленно и значительно, словно означаетъ ими что-то большое.

Михаилъ.—Мой домъ достроенъ. Для тебя строилъ я его. Только для тебя. Онъ свѣтелъ и прекрасенъ, и теперь онъ достроенъ.

Катя.—Достроенъ!

Смотритъ на Михаила съ выраженіемъ тревоги и нерѣшительности, и говоритъ:

— Я боюсь, Михаилъ, что ты слишкомъ привязался къ Лилитъ.

Михаилъ.—Не будемъ говорить о ней. Она уйдетъ.

Катя.—Когда же?

Михаилъ.—Ты ревнуешь?

Катя.—Да. Отпустилъ бы ты ее поскорѣе.

Михаилъ.—Она сама уйдетъ. Не заботься объ этомъ, Катя. Я всегда вѣрилъ твоей любви,—вѣришь и ты. Сквозь долгіе годы пронесли мы нашу любовь,—и теперь ничто не омрачитъ ее.

Катя.—Я не люблю картинъ, которыя пишетъ Лилитъ. Такая грусть въ нихъ, и такъ онѣ далеки отъ жизни! Смотришь на нихъ, и такое ощущеніе, словно не можешь вздохнуть. Неживая луна, и странныя, неживыя женскія фигуры. И земля на этихъ картинахъ—не наша родная земля, не та, которая такъ нѣжна и такъ сурова подъ ногами, и небо—не наше небо.

Михаилъ.—Какъ знать! Можетъ быть, земля Лилитъ и небо Лилитъ лучше нашей земли и нашего неба.

Катя.—Можетъ быть. Но мнѣ никакого нѣтъ дѣла до ея мечтательныхъ странъ. Я люблю эту нашу землю, это небо и эту жизнь.

Михаилъ.—Лилитъ думаетъ, что недостойна любви эта жизнь.

Катя.—Развѣ не отъ насъ зависитъ сдѣлать эту жизнь достойною любви? Послушай, Михаилъ, я хочу говорить съ Лилитъ. Говорить откровенно.

Михаилъ.—Зачѣмъ?

Не удивленіе звучитъ въ этомъ вопросѣ, а словно какой-то укоръ.
Словно хочетъ Михаилъ сказать: не надо.

Катя отвѣчаетъ ему рѣшительно и настойчиво:

— Я хочу сказать Лилитъ, что люблю тебя, всегда люблю, какъ прежде.

Михаилъ говоритъ спокойно:

— Она это знаетъ.

Катя съ выраженіемъ упрямства говоритъ:

— И все-таки я хочу сказать ей объ этомъ. Я хочу знать, что она мнѣ скажетъ.

Михаилъ.—Хорошо, дѣлай, какъ знаешь.

Катя.—Позови ее, Михаилъ, и оставь насъ однѣхъ.

Михаилъ.—Подожди ее здѣсь.

Уходитъ.

VII.

Катя подходитъ къ камину и задумчиво останавливается передъ нимъ. Совсѣмъ такъ же, какъ незадолго до этого Лилитъ, она смотритъ на угли. Цвѣтъ ея лица, рукъ и платья пламенѣетъ въ пыланіи углей, и глаза ея блестятъ.

Катя говоритъ тихо:

— Какая странная жизнь! Какая странная!

VIII.

Входитъ неторопливо Лилитъ. Тихи шаги ея необутыхъ ногъ, а складки ея чернаго хитона колеблются величественно, и вся она похожа на безумную царицу полночной, таинственной страны.

Катя, почувствовавъ за своею спиною приближеніе Лилитъ, быстро идетъ къ ней навстрѣчу. Странно различныя, какъ будто бы ни въ чемъ не похожія одна на другую, онѣ сходятся молча.

Лилитъ спокойно ожидаетъ, что скажетъ ей Катя.

тя словно не находитъ словъ, и движеніе рукъ ея выдаетъ волненіе. Тогда начинаетъ говорить Лилитъ:

— Ты любишь Михаила. Ты опять любишь его.

Катя отвѣчаетъ ей нетерпѣливо:

— Да, люблю, люблю.

Лилитъ.—Онъ побѣдилъ,—и ты возвращаешься къ нему.

Холоденъ, спокоенъ, почти безвыразителенъ тонъ ея словъ,—и тѣмъ больнѣе жалятъ они Катю.

Катя говоритъ быстро и гнѣвно:

— Онъ не могъ не побѣдить.

Лилитъ.—Ты уже дала Михаилу минуты счастія.

Катя.—Тебѣ-то что, безумная Лилитъ!

Гнѣвомъ и тоскою дышутъ быстрыя Катины рѣчи, и мраченъ блескъ ея взоровъ.

Лилитъ смотритъ на нее пристально и говоритъ:

— Поэтому теперь тебѣ надо уйти отъ мужа.

Катя.—О, Лилитъ, ты слишкомъ много заботишься обо мнѣ и о Михаилѣ. Мы сами сумѣемъ устроить свою судьбу. Но ты зачѣмъ остаешься здѣсь? Онъ тебя не любитъ.

Лилитъ.—Я это знаю. Онъ меня не обманывалъ никогда. Я никогда не думала, что моя жизнь съ Михаиломъ будетъ долгою. Я знала, что онъ меня оставитъ, когда придешь ты. Оставитъ для тебя.

Катя.—Тебѣ развѣ трудно уйти отъ Михаила? Дѣтей у тебя нѣтъ.

Лилитъ.—Какія же дѣти! Я—не женщина, я—сказка.

Катя.—Годы прошли, такіе длинные для меня, такіе ненужные и докучные,—и каждый прожитый день только распалялъ мою любовь къ Михаилу.

Лилитъ.—Да, ты любишь Михаила.

Катя.—Я знаю, онъ любитъ меня. Но еще не знаю, что для него лучше, остаться ли съ тобою, или со мною жить. Если такъ для него и для тебя будетъ лучше, я готова опять уйти отъ него.

Лилитъ.—Михаилъ всегда и во всемъ вѣренъ. Онъ любитъ только тебя.

Катя.—А иногда мнѣ кажется, что ты, Лилитъ, вредно вліяешь на Михаила. Эта мечтательность, эта экзальтація! Хоть бы эта комната! Какой траурный видъ! Точно взято съ одной изъ твоихъ картинъ. Недостаетъ только гроба и катафалка. Я думаю, для него это вредно.

Лилитъ.—Всѣ мы въ жизни вредны другъ для друга. Но ты не бойся,—я уйду.

Катя.—Ты говоришь,—уйду. Однако, ты не уходишь! Почему же ты не уходишь? Чего же ты ждешь?

Лилитъ.—Я уйду отъ Михаила въ тотъ самый день, когда ты уйдешь отъ своего мужа и вернешься къ Михаилу.

Катя.—Ты должна уйти раньше, Лилитъ.

Лилитъ.—Зачѣмъ? Эти нѣсколько дней отчего не пробыть мнѣ съ нимъ? Я беру только то, что ты бросаешь. Я ничего ни отъ кого не отнимаю.

Катя (угрюмо).—Какое смиреніе!

Лилитъ.—Не сердись, Катя. Не стоитъ.

Катя.—Ты хочешь показать Михаилу, что приносишь себя въ жертву. Но это неправда. Я принесла въ жертву эти восемь лѣтъ, а не ты. Моя измѣна Михаилу была только внѣшняя, и онъ знаетъ это. Чтобы въ тяжелые годы борьбы онъ былъ свободенъ и спокоенъ, я ушла отъ него. Но онъ вѣрилъ въ меня, и зналъ, что я вернусь къ нему, какъ только онъ позоветъ меня. Я притворствовала эти годы, чужою жила жизнью, подобіемъ жизни, и была, какъ неживая,—ласкала нелюбимаго мужа, улыбалась постылымъ людямъ, немилому рождала мужу дѣтей, и носила личину нѣжной матери, вѣрной жены, любезной хозяйки, очаровательной дамы. И все это я дѣлала только для Михаила. Только его любя, я совершала этотъ обрядъ пустой жизни. Въ этомъ былъ подвигъ мой, моя жертва, мое двойное бытіе. И оно приходитъ къ концу.

Лилитъ.—Не надо говорить о жертвахъ. И ты, Катя, не будь такою гордою. Не стоитъ.

Катя смотритъ на Лилитъ угрюмо, смѣется тихо и потомъ говоритъ:

— Я знаю, на что ты надѣялась.

Л и л и т ъ.—Знаешь? Такъ скажи мнѣ. Я сама не знала этого, и не знаю. На что же я надѣялась?

К а т я.—Ты надѣялась, что Михаилъ привяжется къ тебѣ, что онъ тебя полюбитъ, и оставитъ у себя, а меня отвергнетъ.

Л и л и т ъ.—Можетъ быть. Мало ли на что мы надѣемся! Мало ли о чемъ мечтаемъ! Жаждемъ чуда,—и нѣтъ для насъ чуда. Бѣдныя мы!

Острою жалостью къ себѣ и къ Л и л и т ъ пронизано Катино сердце. И говоритъ К а т я:

— Лилитъ, правда, бѣдныя мы.

Обнимаетъ Л и л и т ъ и плачетъ.

Л и л и т ъ.—Не плачь, Катя, не надо. Ты придешь къ нему, веселая и счастливая, а я уйду. Не плачь, утѣшься, вѣрь.

К а т я.—Будетъ, будетъ счастливая жизнь!

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

I.

Прошелъ одинъ день.

Комната въ домѣ Сухова. Обстановка безукоризненная. Ни одинъ предметъ не оскорбляетъ строгаго вкуса, но кажется, что и любимыхъ предметовъ здѣсь нѣтъ. Ничего индивидуальнаго, особеннаго, обличающаго пристрастіе къ чему-нибудь. Какъ-будто хозяева этого дома живутъ здѣсь только временно,—правда, тратя большія деньги на обстановку и на приличный образъ жизни, но совсѣмъ не заботясь о завтрашнемъ днѣ. И потому многіе предметы кажутся не употребляемыми, поставленными только потому, что такъ принято и красиво.

Катя одна. Стоитъ посреди комнаты, словно ждетъ чего-то. Потомъ медленно и спокойно идетъ къ столу, садится и раскрываетъ книгу.

Рогачева осторожно входитъ и вкрадчиво говоритъ:

— Катя, ты одна?

Катя.—Какъ видишь, мама, одна.

Закрываетъ книгу.

Рогачева.—Ну вотъ, и превосходно. Катя, я должна поговорить съ тобою серьезно. Надѣюсь, ты выслушаешь меня внимательно.

Катя.—Мама, этотъ разговоръ, можетъ быть, не такъ ужъ необходимъ.

Рогачева.—Нѣтъ, Катя, это очень важно.

Катя говоритъ со скучающимъ видомъ:

— Я слушаю, мама.

Рогачева.—Катя, опомнись, пожалѣй себя! Что ты дѣлаешь?

Катя принужденно улыбается и говоритъ:

— Что же я особеннаго дѣлаю?

Рогачева.—Твое поведеніе занимаетъ весь городъ.

Катя.—Весь городъ всегда занимается чужими дѣлами.

Рогачева.—Только Владимиръ Павловичъ еще ничего не знаетъ. Но каково ему будетъ узнать это! Вѣдь это же скандалъ!

Катя.—Ахъ, мама! Что ты называешь скандаломъ?

Рогачева.—Ты каждый день бываешь у Михаила Алексѣевича. Наконецъ, ужъ ни для кого не секретъ, что ты имъ увлечена. Только бѣдный Владимиръ Павловичъ ни о чемъ не догадывается. Онъ такъ довѣрчивъ!

Катя.—Онъ узнаетъ.

Рогачева.—Подумай, Катя, вѣдь ты замужемъ, ты—мать. Твой мужъ занимаетъ такое положеніе въ обществѣ...

Катя.—На что мнѣ это положеніе?

Рогачева, не слушая, продолжаетъ:

—... При положеніи твоего мужа, если ты не порвешь съ Михаиломъ немедленно, вѣдь это же будетъ скандалъ на весь свѣтъ!

Катя отвѣчаетъ равнодушно:

— Пусть говорятъ, что хотятъ,—мнѣ-то что!

Рогачева.—Катя, неужели тебѣ не жаль бѣднаго Владимира Павловича?

Катя.—Мама, вѣдь вы всѣ знали, что я люблю Михаила. Вамъ захотѣлось очень, чтобы я вышла за Владимира Павловича. Вотъ, я сдѣлала по-вашему. Но я и его не обманывала. Я тогда же сказала ему, что уйду отъ него, когда захочу.

Рогачева.—Но вы съ нимъ такъ хорошо жили! Всѣ думали, что ты любишь своего мужа.

Катя.—За что-жъ мнѣ было его ненавидѣть? Но любить! Нѣтъ, я его не любила, никогда не любила.

Рогачева.—Ты была съ нимъ такъ ласкова!

Катя говоритъ съ досадою и раздраженіемъ:

— Да, да, была. О, темная страстность, какою дорогою цѣною мы за нее расплачиваемся! Но это наконецъ пора кончить.

Рогачева.—А твои дѣти, Катя! Подумай о твоихъ несчастныхъ дѣтяхъ. Неужели тебѣ ихъ не жаль!

Катя.—Несчастныя! Чѣмъ они несчастны, эти маленькія? Вздоръ какой! Я уйду изъ этого дома къ Михаилу. Ужъ не могу я больше терпѣть этого притворства.

Рогачева восклицаетъ съ паѳосомъ:

— Катя, ты этого не сдѣлаешь! Нѣтъ, не сдѣлаешь! Я этого не допущу! Пока я жива, ты этого не сдѣлаешь!

Катя.—Милая мама, какъ можешь ты мнѣ въ этомъ помѣшать?

Рогачева говоритъ повышеннымъ голосомъ, дѣлая забавно-торжественные жесты:

— Я лягу передъ тобою на порогѣ этого дома, и только черезъ мой трупъ ты уйдешь отсюда!

II.

Крадущеюся походкою входитъ бонна. Она высокая, костлявая, сухая дѣвица лѣтъ тридцати, изъ обрусѣлыхъ нѣмокъ, „вполнѣ

приличная“, какъ говорится въ газетныхъ объявленіяхъ. Лицо у бонны длинное, сухое, желтое, постное, но сладкое. Глаза рыбьи, съ застывшимъ выраженіемъ тупого любопытства. Уши торчатъ. Носъ длинный и острый. Свѣтлые, жиденькіе волосы причесаны гладко. На плоскомъ лбу совершенно явственно написано: сплетница. И даже все боннино платье шумитъ сплетнею.

Рогачева вздрагиваетъ и застываетъ въ неловко-торжественной позѣ.

Бонна говоритъ кисло-сладкимъ голосомъ:

— Извините, пожалуйста, Екатерина Константиновна.

Катя спрашиваетъ досадливо:

— Что такое? Что вамъ надо?

Бонна.—Простите, Екатерина Константиновна, я думала вы однѣ. Я хотѣла насчетъ Павлушиныхъ башмаковъ. Но это не къ спѣху. Извините.

Уходитъ.

III.

Катя.—Эта дура за мною подсматриваетъ и подслушиваетъ.

Рогачева.—Женщина въ твоемъ положеніи должна вести себя такъ, чтобы за нею нечего было подсмотрѣть и подслушать.

Она сбита съ высокаго тона, и переходитъ на слезливый:

— Катя, хоть родителей своихъ пожалѣй, меня и своего бѣднаго отца.

Катя, смѣясь и плача, обнимаетъ мать, и говоритъ ей укоризненно и нѣжно:

— Милая мама, смѣшная моя старушка, скучно мнѣ говорить съ тобою.

Рогачева говоритъ слезливо:

— Владимиръ Павловичъ такъ много для насъ сдѣлалъ!

Катя быстро уходитъ. На порогѣ встрѣчается съ Суховымъ, но не останавливается.

IV.

Суховъ очень располнѣлъ. Имѣетъ видъ любезнаго, дѣятельнаго, счастливаго и самодовольнаго человѣка. Любитъ выражаться краснорѣчиво и кругло,—думаетъ, что искусство произносить рѣчи скоро можетъ ему пригодиться. Иногда онъ даже увлекается своимъ краснорѣчіемъ. На службѣ онъ поставленъ очень хорошо, и его всегда имѣютъ въ виду, когда думаютъ о замѣщеніи какой-нибудь высшей должности. Онъ попрежнему совершенно увѣренъ во всемъ своемъ,—въ своемъ положеніи, въ своемъ богатствѣ, въ своей женѣ. Когда ему осторожно намекаютъ на ухаживанія Михаила за Катею, онъ не обращаетъ на это вниманія. И только въ послѣдніе дни начинаетъ смутно безпокоиться.

Суховъ говоритъ, останавливаясь на порогѣ:

— Катя, куда ты? У меня Михаилъ Алексѣевичъ... Ушла.

Входитъ и спрашиваетъ Рогачеву:

— Что это съ нею, Клавдія Григорьевна?

Рогачева отвѣчаетъ тихо, съ таинственнымъ видомъ:

— Владимиръ Павловичъ, вы не находите, что Михаилъ Алексѣевичъ слишкомъ зачастилъ?

Уходитъ за Катею.

Суховъ говоритъ, растерянно разводя руками:

— Да? Вы думаете? Развѣ...

V.

Входитъ Михаилъ.

ухов ъ.—Михаилъ Алексѣевичъ, отчего вы не купите автомобиля?

У Сухова на лицѣ растерянность и недоумѣніе. Но скоро онъ овладѣваетъ собою и опять беретъ спокойный и любезный тонъ.

Михаилъ.—Нѣтъ, я не люблю автомобилей. Вообще, не люблю ничего автоматическаго.

Суховъ.—А вотъ граммофонъ—очень хорошо.

Михаилъ.—Нѣтъ, не нахожу, Владимиръ Павловичъ. Механизмъ вмѣсто живого голоса—это очень нехорошо. Мертвое подобіе жизни, безжизненное повтореніе одного и того же.

Суховъ.—Я думалъ, что вы, какъ инженеръ, наоборотъ, все это любите.

Михаилъ.—Я люблю только рабочія машины.

Суховъ.—Я слышалъ,—васъ, Михаилъ Алексѣевичъ, можно поздравить съ назначеніемъ?

Михаилъ.—Это еще не совсѣмъ рѣшено.

Суховъ.—Толкуйте! Напрасно вы такъ скромничаете. Я очень радъ за васъ. Разопьемъ шампанскаго.

Михаилъ.—Я хочу сказать, что у меня совсѣмъ нѣтъ желанія взять это мѣсто. Вѣрнѣе, что я откажусь.

Суховъ спрашиваетъ съ легкою насмѣшкою:

— По принципу?

Михаилъ отвѣчаетъ спокойно:

— У меня такъ много дѣла. Не стоитъ мнѣ брать на себя занятія административныя. Мнѣ канцелярская дѣятельность не по вкусу. Я только люблю строить.

Суховъ смотритъ на него, снисходительно усмѣхаясь, и говоритъ:

— Право, позавидуешь вамъ, Михаилъ Алексѣевичъ. Все у васъ еще впереди, и въ то же время вы на вершинѣ силы. Всѣ возможности открыты передъ вами.

Михаилъ (разсѣянно).—А вы, Владимиръ Павловичъ?

Суховъ.—А я? Что жъ, я счастливъ. Но моя жизнь уже сдѣлана, уже я собираю осенніе плоды, мирно и успокоенно, и почти механически подвигаюсь впередъ.

Михаилъ.—И этимъ вы счастливы?

Суховъ.—Да. Я счастливъ такъ, что даже побаиваться начинаю.

Михаилъ.—Чего же вамъ бояться?

Суховъ.—Какъ Поликратъ, я бы перстень выбросилъ судьбѣ въ жадную пасть моря, да боюсь, отдастъ, вернетъ. Но я утѣшенъ тѣмъ, что со мною рука объ руку идетъ вѣрная подруга жизни. Пора и вамъ избрать себѣ жену по сердцу.

Михаилъ отвѣчаетъ, загадочно улыбаясь:

— Мой выборъ уже сдѣланъ.

Суховъ.—Лилитъ? Мы какъ-то не серьезно смотримъ на эту связь. Она къ вамъ не подходитъ. Вы—человѣкъ живого дѣла и трезваго ума, она—экзальтированная мечтательница. Все равно, рано или поздно вамъ придется съ нею разстаться.

Михаилъ.—Такъ вы совѣтуете мнѣ теперь же оставить Лилитъ?

Суховъ.—Она слишкомъ странная. Она молчитъ, когда надо что-нибудь сказать, или говоритъ что-то непонятное. Когда всѣ вокругъ нея смѣются, она даже не улыбнется. Это хорошо было въ дѣтскіе годы, а теперь дико очень.

Михаилъ.—Теперь она не рисуетъ карикатуръ.

Суховъ.—Да, но вѣдь я не потому.

Михаилъ.—А если я все еще люблю Екатерину Константиновну?

Суховъ смѣется, и говоритъ:

— А вы, Михаилъ Алексѣевичъ, еще не забыли этой юношеской исторіи?

Михаилъ.—Иногда мы всѣ возвращаемся къ прежнимъ годамъ и вспоминаемъ. Вѣрное же сердце и не забываетъ первой любви. Я не забылъ.

Встаетъ, протягиваетъ руку Сухову, и говоритъ:

— Теперь мнѣ пора. Прощайте, Владимиръ Павловичъ.

Суховъ.—Вы очень торопитесь, Михаилъ Алексѣевичъ. Посидѣли бы. Катя сейчасъ выйдетъ.

Михаилъ.—Простите, не могу. Мой привѣтъ Екатеринѣ Константиновнѣ.

Суховъ.—Буду радъ навѣстить васъ на-дняхъ.

Михаилъ уходитъ. Суховъ провожаетъ его.

VI.

Катя возвращается. Прислушивается къ ихъ голосамъ. Стоитъ неподвижная посрединѣ комнаты, и опять только блѣдность лица и движеніе рукъ выдаютъ ея волненіе.

Входитъ Суховъ и говоритъ ей улыбаясь:

— Загордился нашъ строитель Сольнесъ.

Катя, вспыхивая, говоритъ съ неожиданною страстностью:

— Ему есть чѣмъ гордиться!

Суховъ внимательно смотритъ на нее и говоритъ:

— Я не понимаю, Катя,—ты стала какою-то нервною и безпокойною.

Катя.—Да? Ты находишь?

Она говоритъ это очень разсѣянно, и кажется, что она думаетъ о чемъ-то другомъ, что не выходитъ у нея изъ головы.

Суховъ.—Меня это безпокоитъ очень, Катя. Можетъ быть, тебѣ сегодня...

Онъ хочетъ сказать: нездоровится, но Катя нервно перебиваетъ его, и говоритъ быстро и сухо:

— Чѣмъ же ты недоволенъ? Чего я не сдѣлала? Я родила тебѣ мальчика и дѣвочку. Я продолжила твой родъ.

Суховъ.—Катя, отчего ты говоришь со мной такъ холодно?

Катя старается подавить свое волненіе и принужденно-спокойнымъ голосомъ говоритъ:

— Такъ холодно? Нѣтъ, я этого не хотѣла. Я не хотѣла сказать тебѣ непріятное.

Суховъ.—Не хотѣла, конечно. Я тебѣ вѣрю. А остальное,—я знаю, что моя славная, милая женушка любитъ пофилософствовать. Но это не мѣшаетъ ей быть превосходною хозяйкою.

Катя.—Конечно, я это и хотѣла сказать.

Суховъ.—Ты—моя милая, славная женка.

Онъ подходитъ къ ней и хочетъ поцѣловать ея руку.

Катя быстро отходитъ отъ него, и говоритъ рѣшительно:

— Все это кончилось, и я напоминаю тебѣ нашъ договоръ, тогда, передъ свадьбою.

Суховъ останавливается, ошеломленный, посрединѣ комнаты, и говоритъ:

— Что ты говоришь, Катя?

Катя.—Я была тебѣ вѣрною женою. Теперь довольно съ меня. Я люблю Михаила и ухожу къ нему.

Суховъ.—Катя, Катя, что же ты со мною дѣлаешь?

Катя.—Я тебя не люблю. Какъ же я могу жить съ тобою!

Суховъ.—А эти восемь лѣтъ? Вѣдь ты же меня любила?

Катя.—Что же я въ этомъ понимаю? Что я могла понять?

Суховъ.—Кажется, непонятнаго мало.

Катя.—Какъ слѣпая бабочка... Ахъ, да я же вамъ говорила, что не люблю васъ.

Суховъ.—Катя, мнѣ больно.

Катя.—Зачѣмъ же вы меня брали? Я васъ не обманывала.

Суховъ.—Я думалъ, что это было только дѣтское увлеченіе. Я думалъ, что съ годами это пройдетъ.

Катя.—Любовь одна, какъ смерть одна.

Суховъ.—Притомъ же онъ сошелся съ другою.

Катя.—Онъ любитъ только меня.

Суховъ спрашиваетъ гнѣвно:

— А эта несчастная дурочка Лилитъ была для васъ только ширмою?

Катя.—Удѣлъ слабыхъ—обманывать и таиться. У каждаго есть своя пора слабости и своя пора силы.

Суховъ.—Такъ внезапно... Я совсѣмъ подавленъ всѣмъ этимъ, что ты мнѣ сказала.

Катя.—Ты зналъ, что я тебя не люблю. Я не скрывала.

Суховъ.—Ты—подлая. Ты ограбила мою душу!

Катя.—Ты самъ этого захотѣлъ. Я тебѣ говорила...

Суховъ.—Долгіе годы ты играла комедію. Подлая, подлая! Ты взяла у меня все, а когда твой любовникъ разбогатѣлъ, ты идешь къ нему. Подлая, подлая!

Катя.—Ты далъ мнѣ слово, что отпустишь меня.

Суховъ.—Я такъ вѣрилъ въ тебя!

Катя.—Вѣрнѣе, въ себя. Въ свою силу, въ свою власть. Вѣрилъ во власть традиціонныхъ словъ и понятій.

Суховъ.—Я вѣрилъ въ тебя, потому что восемь лѣтъ подрядъ ты обманывала меня. Такъ искусно ты притворялась любящею женою! Какая низость!

Катя.—Ты правъ, я виновата,—пусть такъ, но вѣдь это же ровно ничего не мѣняетъ въ нашемъ положеніи.

Суховъ.—Гдѣ же у васъ правда, гдѣ совѣсть? Гдѣ ваши принципы?

Катя.—Не ты ли самъ любилъ повторять: кто силенъ, тотъ и правъ? О какой же правдѣ теперь ты говоришь? Не ты ли самъ смѣялся надъ принципами Чернецовыхъ? О какихъ же принципахъ теперь ты заботишься? Ты пожинаешь то, что сѣялъ.

Суховъ.—Какъ злобно, какъ язвительно говоришь ты со мною!

Катя.—Прости. Нѣтъ, я не хочу говорить злыя слова. Но я должна отъ тебя уйти. Прощай.

Уходитъ.

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

I.

Комната третьяго дѣйствія. Ясный день. Торжественно и печально.

Лилитъ, одѣтая, какъ въ третьемъ дѣйствіи, и Чернецовъ. Дымъ его папиросы какъ-то странно соотвѣтствуетъ черному хитону Лилитъ.

Чернецовъ.—Куда же ты теперь пойдешь, Лилитъ?

Лилитъ, не слушая его и словно продолжая, говоритъ:

— Вотъ и пришло время, когда мнѣ надо отойти, уйти. Здѣсь, около человѣка, я, лунная сказка, веселая немножко, но больше грустная, тихо и рѣдко смѣющаяся, и вовсе не проливающая слезъ, я, бѣдная Лилитъ, провела мои восемь лѣтъ, и ухожу въ лазурную тишину моей пустыни.

Чернецовъ.—Куда же ты пойдешь, Лилитъ?

Лилитъ.—Куда-нибудь. Что же, мой срокъ прошелъ. Ахъ, опять для меня повторилась моя старая, старая исторія любви! Въ раю первозданномъ къ первому человѣку, созданному Богомъ, пришла, изъ ночныхъ его грезъ возникшая, прекрасная, тихая Лилитъ, я. Дни первой, лунной Лилитъ проходятъ скоро,—и приходитъ вторая, законная, вѣчная жена, Ева къ своему Адаму.

Чернецовъ.—Далъ ли онъ тебѣ денегъ, Лилитъ?

Лилитъ.—Конечно. Онъ далъ мнѣ много денегъ. Ему ничего не жаль. Онъ—великодушный и сильный.

Обходитъ комнату и говоритъ:

— Прощайте, прощайте, милые предметы, любимые моимъ милымъ! Прощайте, прощайте! Да будетъ счастіе и радость въ этомъ домѣ! Пусть никто здѣсь никогда не заплачетъ, какъ и я не пролила здѣсь ни одной слезы.

II.

Входятъ Катя и Михаилъ.

Катя озарена радостью освобожденія. Ея движенія легки и быстры, какъ движенія юной дѣвушки, и кажется, что счастіемъ сожжены эти восемь лѣтъ заложничества. Лицо пылаетъ румянцемъ, глаза блестятъ. Ея платье похоже на то, которое было на ней въ первомъ дѣйствіи, и опять, какъ тогда, она босая.

Увидѣвъ Лилитъ, Катя слегка отуманилась. Медленно подходитъ она къ Лилитъ, становится передъ нею на колѣни, цѣлуетъ ея руки, и говоритъ:

—Ты сохранила мнѣ его, милая Лилитъ! Милая Лилитъ!

Лилитъ.—Ты меня благодаришь? За что же?

Поднимаетъ Катю и цѣлуетъ ее.

Катя.—За эти годы, когда мы были заложниками жизни, и ты, всегда свободная, утѣшала его.

Лилитъ.—Я его люблю. А онъ меня не любитъ. Такъ надо. Мы были на вѣрномъ пути. Прощай, Михаилъ. Вотъ, я ухожу.

Михаилъ.—Милая Лилитъ, прощай!

Цѣлуетъ ее.

Лилитъ и Катя смотрятъ одна на другую.

Лилитъ.—Не жалѣй меня, Катя. Я жила съ тѣмъ, кого любила. И сколько разъ я готова была тебя жалѣть: вѣдь ты жила съ нелюбимымъ человѣкомъ!

Катя.—Готова была меня жалѣть?

Лилитъ.—Да,—но не жалѣла. Зачѣмъ жалѣть! Въ свободѣ всегда есть жестокость. Потому кроткіе всегда несутъ ярмо. Прощай, Катя.

Катя, плача, обнимаетъ Лилитъ.

Лилитъ уходитъ, и, провожая ее, уходитъ Чернецовъ.

Михаилъ.—Она уходитъ изъ моей жизни, оставляя въ ней незабываемую печаль.

Катя смотритъ на него, улыбаясь, и опять вся сіяетъ радостью.

III.

Дверь отворяется, и входятъ Катины дѣти: мальчикъ и дѣвочка. Они румяныя, здоровыя, спокойныя. Одѣты нарядно и красиво. Идутъ, и кажутся заведенными куклами.

За ними идетъ бонна. На ея лицѣ жадное любопытство, отъ котораго носъ ея кажется длиннѣе, острѣе и желтѣе обычнаго; онъ, точно изъ крашенаго свинца, тяжелый, и тянетъ ея голову впередъ. Глаза моргаютъ часто. Въ рукахъ, странно сжатыхъ, колышется редикюльчикъ,—и кажется, что тамъ копошится грязненькая сплетнишка.

Михаилъ уходитъ и черезъ нѣсколько времени возвращается съ двумя коробками, въ которыхъ, повидимому, положено что-то сладкое. Ставитъ эти коробки на столъ близъ Кати.

Катя.—Дѣти, зачѣмъ вы сюда пришли?

Дѣти говорятъ довольно безвыразительно:

— Мамочка, мамочка, пойдемъ поскорѣе домой. Намъ безъ тебя скучно.

Катя.—Милые мои, я здѣсь останусь навсегда. А вы должны жить съ папочкой.

Дѣти.—Мамочка, мамочка, иди къ намъ. Мы хотимъ поиграть съ тобою, а безъ тебя мы скучаемъ.

Катя укоризненно смотритъ на бонну и говоритъ:

— Зачѣмъ вы привели сюда дѣтей?

Бонна.—Простите, Екатерина Константиновна. Мы гуляли. Дѣти очень просились.

Видно, что лжетъ.

Катя.—Нѣтъ, милыя дѣти, я не пойду къ вамъ. Идите скорѣе, папѣ скучно васъ ждать.

Дѣти говорятъ наивно:

— Нѣтъ, мама, ему не скучно, онъ сидитъ въ кофейнѣ Жакмино, гдѣ такія вкусныя пирожныя. Нѣтъ, ему не скучно.

Катя.—Милыя дѣти, я никогда не вернусь къ вамъ.

Дѣти.—Милая мама, отчего ты не хочешь къ намъ вернуться?

Катя.—Потомъ вы узнаете, а теперь вамъ этого не понять.

Дѣти.—Мы и теперь поймемъ, скажи намъ, милая мама.

Катя.—Милыя дѣти, я нашла моего стараго друга, котораго я всегда любила. Я буду жить съ нимъ всегда. Что же вы въ этомъ поймете?

Дѣти.—Твой другъ—этотъ господинъ съ черною бородою?

Катя.—Да, дѣти, это онъ.

Беретъ со стола коробки, на которыя дѣти давно уже поглядывали.

Глаза у дѣтей оживились. Дѣти спрашиваютъ:

— У него много сладкихъ конфетокъ?

Катя.—Вотъ, онъ вамъ даритъ это.

Даетъ дѣтямъ по коробкѣ.

Дѣти, захвативъ коробки забавно-неловкимъ жестомъ, поворачиваются къ Михаилу, и благодарятъ его: дѣвочка дѣлаетъ реверансъ, мальчикъ шаркаетъ ножкою, и оба говорятъ вмѣстѣ:

— Благодарю васъ.

Катя.—Теперь, милыя дѣти, идите. Слушайтесь папочку во всемъ, будьте добрыми и умными, и да благословитъ васъ Богъ. Прощайте, дѣти.

Цѣлуетъ дѣтей.

Дѣти прощаются и уходятъ.

За ними уходитъ бонна, дрожа отъ любопытства, повертывая во всѣ стороны остренькую мордочку и порывисто нюхая воздухъ.

IV.

я.—Мнѣ кажется, что это были какія-то ненастоящія, стилизованныя дѣти. Что они говорили! Какой вздоръ! Бѣдныя, глупыя! Онъ ихъ научилъ этой ерундѣ, а самъ сидитъ въ кофейнѣ Жакмино и ждетъ.

Михаилъ.—Я видѣлъ его изъ окна. Онъ вышелъ изъ кофейни и ходилъ по тротуару, потомъ быстро перешелъ на эту сторону. Онъ ждетъ своихъ дѣтей у подъѣзда.

Катя.—Сейчасъ онъ самъ придетъ сюда.

V.

Раздается гдѣ-то не близко рѣзкій звонокъ, за нимъ другой, третій, все яростнѣе.

Михаилъ.—Это—онъ. Ты бы ушла, Катя.

Катя.—Я не боюсь. Я не хочу прятаться.

Доносится бѣшеный крикъ. Слова не слышны. Катя и Михаилъ молча прислушиваются.

Врывается Суховъ. Онъ взбѣшенъ. Михаилъ идетъ ему навстрѣчу. Вслѣдъ за Суховымъ входитъ Чернецовъ.

Суховъ кричитъ:

— А, геніальный строитель! Набили себѣ карманъ на постройкахъ, теперь есть на что содержать любовницъ!

Михаилъ.—Успокойтесь, Владиміръ Павловичъ.

Суховъ.—Влюбленная парочка! Нѣтъ, господинъ инженеръ, вашъ расчетъ на этотъ разъ невѣренъ. Хапуга, тебѣ не удастся это воровство!

Въ рукѣ у Сухова револьверъ, которымъ онъ безтолково размахиваетъ.

Михаилъ смотритъ на Сухова спокойно.

Чернецовъ бросается между ними и кричитъ:

— Остановитесь! Принципіально я не могу допустить, чтобы споръ между интеллигентными людьми разрѣшался выстрѣлами.

Суховъ говоритъ злобно:

— Старый шутъ!

Бросаетъ револьверъ на столъ. Садится въ кресло у стола, закрываетъ лицо руками и рыдаетъ.

Катя, подходя къ нему, говоритъ тихо:

— Владиміръ Павловичъ, простите меня. Къ вамъ я никогда не вернусь.

Суховъ, овладѣвая собою, быстро встаетъ и говоритъ:

— Меня извините, Екатерина Константиновна. Нервы не выдержали. Прощайте.

Идетъ къ выходу. Въ дверяхъ останавливается и говоритъ:

— Мстить вамъ я не стану. Я презираю васъ обоихъ.

Уходитъ.

Чернецовъ.—Я провожу его.

Идетъ за Суховымъ.

VI.

Катя подходитъ къ Михаилу и цѣлуетъ его.

Михаилъ спрашиваетъ:

— Катя, мы счастливы?

Катя.—Да, мы счастливы. Безконечность жизни передъ нами, и мы побѣдили.

Михаилъ говоритъ задумчиво и невесело:

— Мы счастливы.

Катя съ удивленіемъ спрашиваетъ:

— А ты сомнѣваешься?

Михаилъ.—Нѣтъ, но счастіе мое обвѣяно грустью.

Катя.—Но мы все-таки побѣдили! Къ чему же ты поведешь меня теперь?

Михаилъ.—Къ жизни свободной и радостной, къ творчеству жизни новой и счастливой, такой жизни, какой не было до насъ.

Катя.—А былъ день, ты звалъ меня къ смерти.

Михаилъ.—Я—господинъ жизни. Но мое господство куплено цѣною утомленія и печали.

Катя.—Какъ сонъ, прошли эти годы.

Михаилъ.—Какъ сонъ.

Катя.—Мы снова юны. Мы снова дѣти.

Михаилъ.—А Лилитъ?

Катя.—Лилитъ? Эта грустная, большеглазая сказка? Мечта ночная, Лилитъ, ушла. Ушла къ тому, кто мечтаетъ.

VII.

Въ комнатѣ темнѣетъ. Отодвигается медленно занавѣсъ въ глубинѣ комнаты. Открывается залитая яркимъ свѣтомъ широкая лѣстница въ семь ступеней, а за нею обширный, высокій, бѣлый залъ. Передній планъ сцены въ тѣни, и лицъ Михаила и Кати не видно.

На верху лѣстницы стоитъ Лилитъ, въ черномъ хитонѣ. Но теперь голова ея увѣнчана золотою діадемою, и торжественнымъ свѣтомъ облито ея лицо.

Лилитъ.—Устала я, устала смертельно. Многіе вѣка прошли надо мною,—ко мнѣ зову я человѣка,—и, свершивъ подвигъ мой, ухожу. И все не увѣнчана Дульцинея, и путь мой далекъ предо мною.

КОНЕЦЪ.

2⁵⁰

